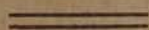

ОМСКИЙ РАБОЧИЙ ФАКУЛЬТЕТ :
СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА И ЛЕСОВОДСТВА :

ОМСКИЙ РАБФАКОВЕЦ

№ 1.

30
177-0

Набрано и отпечатано
в типо-литографии
ОМЕРСПОДИГРАФ
1927 г. Зак. № 1723. 415.

РГБ. Ф. 100. Т. 1. Л. 10.

Омская область
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА

К НАЧАЛУ ИЗДАНИЯ „ОМСКОГО РАБФАКОВЦА“.

Чем вызвано желание студентов и преподавателей, не ограничиваясь стенгазетой, периодически издавать журнал?

Выпущенный нами юбилейный номер журнала показал, что наш коллектив, так сказать, может гарантировать материал, но это еще не все.

Разговоры об издании журнала велись и, стенкоры об этом говорили еще до юбилейного номера.

Журнал нужен.

Нам необходим журнал, как еще новая арена марксистско-ленинского влияния на наш коллектив, внутри которого идет борьба разных идеологий.

Нам нужен журнал для того, чтобы дать выход научно-педагогической мысли преподавателя.

Стенгазета по своим размерам не может отразить наши учебу и быт настолько, чтобы каждый студент был в курсе всех поворотных моментов, всего, имеющего общее для коллектива значение.

Половину журнала предположено отдать литературному отделу.

Мы не можем часто устраивать общие собрания и на них освещать все наиболее крупного значения моменты быстро разворачивающейся современной нам жизни, важен для нас и интернациональный момент,—общественно-политический отдел „Омского Рабфаковца“ будет обслуживать нас.

Наконец, два последние отдела: „Наша хроника“ и библиографический—тоже представляют значительный интерес.

„Наша хроника“, давая не ведомственные распоряжения в копиях—сухие и многословные, а в „две строчки“—должна держать нас в курсе всего нового в отношении рабфаков, вузов вообще, в отношении учета всех наиболее важных моментов нашей внутренней жизни.

Библиографический отдел окажет большую помощь делу самообразования путем сообщения о новостях: в литературе и искусстве, в области естественно-научных знаний, по вопросам общественно-политического значения, экономическим, по вопросам техники и т. п.

Важно, чтобы в журнале принимала участие широкая масса, чтобы каждый участник помнил, что „Омский Рабфаковец“—ленинец, чтобы передаваемый в журнал материал был живой, интересный, отнюдь не напоминая сухих отчетов и наших многочисленных протоколов.

О литературном кружке, который организован около нашего „Омского Рабфаковца“, говорить еще рано, но и у него, несомненно, есть перспектива.

Пожелаем же, чтобы данное наше мероприятие просто вошло в нашу жизнь и учебу, и чтобы „Омский Рабфаковец“ возможно полнее выявил свою роль нашего коллективного организатора.

УЧЕБА и БЫТ.

„Реформа на рабфаке!“

Долгожданная реформа о переходе на четырехгодичный срок обучения, наконец, введена постановлением СНК РСФСР.

Переход рабфаков на 4-хлетние рельсы продиктован, прежде всего, необходимостью повышать академическую квалификацию рабфаковцев.

Качество подготовки рабфаковцев и программное повышение требований ВУЗ'ами имеют некоторое между собой противоречие. Если „уровень подготовки кончающих нашу среднюю школу может быть не ниже подготовки, которую давала дореволюционная средняя школа, то этот уровень все же крайне низок, крайне слаб, совершенно неудовлетворителен. В нашу высшую школу должны приниматься люди достаточно подготовленные, достаточно грамотные и достаточно развитые. Этого пока еще нет. За это нужно бороться, за это нужно биться, это нужно завоевать.“

Продукция, выпускаемая рабфаками, из года в год по своим академическим качествам улучшается. Это подтверждает практика. И это все необходимо, но еще *недостаточно*. Рабфак, как подступ к высшей школе для рабочих и крестьян, не только должен подготовить рабфаковца вообще (по программе), но, главное, он должен научить тому, как работать: *научить учиться*, а это пока еще остается самым слабым местом в подготовке рабфаковца к занятиям в ВУЗ'е.

Вот почему 4-хлетний курс обучения, который потребует дополнительных средств и сил, как раз должен быть использован не только для того, чтобы повысить уровень знаний рабфаковца, но, главным образом, для того, чтобы неряшливость в работе, бессистемность, неумение применить готовый материал на практике стали объектом неослабного внимания, для того, чтобы *„научить учиться“*. Только при этом условии выпускники-рабфаковцы вполне смогут преодолеть рассеянность и неуверенность в своих знаниях. Введение 4-летнего курса обучения на рабфаках вовсе не означает „поворот назад“, т.е. к выравниванию срока обучения с дореволюционной средней школой (4 или 8-9 л.—большая разница), во-первых, и отнюдь не значит, что за счет увеличения срока обучения на рабфаках должно произойти снижение требований к вновь поступающим на рабфак. *Эти требования будут с каждым годом повышаться.*

Переход на 4-хлетний курс обучения нельзя рассматривать как реформу „сверху“. Ей предшествовали все те отголоски низовой студенческой массы, которые не один раз были выражены на конференциях студенчества, и целый подготовительный процесс. Неотложной задачей студенчества, а равно и всего рабфака, сейчас является то, чтобы, как можно лучше, безболезненно и не в ущерб самой установке *начать* практическое осуществление реформы.

Как можно лучше и целесообразно использовать ее для того, чтобы в конечном счете от реформы студенчество получило вполне ощутимый результат.

Основное значение реформы состоит в том 1) что она всецело обеспечивает интересы ВУЗ'ов—пролетаризацию их, соответствует интересу каждого рабфаковца в смысле повышения его квалификации, 2) меньше будет текучести студенчества из-за неуспеваемости, по болезни, 3) учебная работа вообще будет проходить в более нормальных условиях, без особой горячки и нервности, 4) должна сказаться благоприятно в смысле уменьшения заболеваемости студентов, которая в прошлом году выразилась в 70%.

Нет сомнения в том, что как ни велика и ни трудна работа, связанная с коренной ломкой учебного плана и с переходом Р. Ф. на 4-хлетний курс обучения, нашим рабфаком она будет успешно завершена.

Введение реформы в рабфаках—огромное достижение в стране. Она проникнута мыслью Ильича: *„лучше числом поменьше, а качеством повыше. Лучше через год, или через два, чем наспех, без всякой надежды получить солидный человеческий материал“*. И рабфак—наша лаборатория, такой материал должна дать.

Студенчество нашего рабфака попрежнему напрягает свои усилия, чтобы на пороге к высшей школе повысить свою квалификацию.

С. И. Данилов.

Опыт изучения рабфаковца.

Как один из способов изучения личности рабфаковца, представителя передовой молодежи нашей послереволюционной страны, применили на омском рабфаке весной 1927 г. анкетирование.

Проводимая анкета имела своей задачей по возможности выявить жизненные запросы и отношения рабфаковца к его бытовой действительности, но не больше,—большого анкета, по своей сущности, дать не может.

Средством осуществления поставленной задачи служил подбор вопросов анкеты, касающихся бюджета времени студенчества, оценки вождей революции, писателей, литературных типов, личности человека, отношения к окружающей среде и жизненным явлениям.

При обработке анкетных данных я сгруппировала анкетные листочки по признаку курса, пола, социального происхождения, партийности писавших.

Рабфаковцев я знаю с 1919 г. Вместе мы мерзали в нетопленных аудиториях Казанского университета. В шубе, валенках, негнувшимися от холода пальцами записывали мы—я на доске, рабфаковцы в тетрадках. мезозойские и плеозойские эпохи. Брало сомнение, такие ли знания нужны рабфаковцам.

Рабфаковцы в первый набор представляли пеструю механическую смесь. Вспоминаются юноши и девицы действительно от станка и сохи, самоучки и научившиеся читать, урывками познали они четыре действия арифметики; тут же на ряду с ними несколько молодых людей, прошедших пять—шесть классов бывшей классической гимназии. Две девушки с гордостью по секрету признались мне, что они кончили женскую гимназию. Партийных мало.

Среда рабфаковская с течением времени становилась более однородной; рабфаковцы строго следили за чистотой классового подбора. Оформилось руководящее влияние студентов-партийцев.

Буквально из ничего мы строим свой рабфак: писали программы¹⁾, создавали библиотеки, кабинеты, организовывали первые кружки, спорили, волновались в поисках методов.

В 24 г. на миг дрогнули руки, на миг приостановили биение наши сердца—умер Ильич! и снова с большей настойчивостью, с крепкой клятвой, памятуя заветы Ильича, продолжали мы строить нашу рабоче-крестьянскую школу.

Своего добились! Рабфак оборудован, оставили вербальные методы—нашли свой метод, в обществоведческих кружках не Радищева—Ленина изучаем.

Ныне, вместе с сибирскими рабфаковцами, я переживаю великую дату—десятилетие Октября!

Передо мной лежит 286 анкетных листочков; в них рабфаковцы, в большинстве люди от 20 до 24 лет, изредка 30-тилетние (одному 17 лет и одному 40), искренне и правдиво рассказали о себе, показали свою действительность, сложную и трудную, противоречивую, но бодрую и радостную, как наша эпоха.

Былой монолитности²⁾ нет среди рабфаковцев—сказались противоречия переходного периода и повышение % крестьян при приеме в рабфак.

На ряду с основным, здоровым, сплоченным рабфаковским ядром включающим рабфаковскую массу, повышается количество одиночек-рабфаковцев с мешанскими уродливыми взглядами, выступающими в разной степени, начиная с едва намечающихся уклонений в сторону индивидуализма и докатываясь до подлинного хулиганства. Эта мешанская идеология, ею, правда, захвачено сравнительно небольшое число рабфаковцев, проходит по всем ответам этих студентов на вопросы анкеты; она сказывается и в оценке наших вождей, писателей, литературных типов, и в отношении к женщине, любви, своему быту и в выборе своей профессии после окончания рабфака.

Почти ежедневно рабфаковцы по семи часов проводят в аудиториях рабфака. Наскоро пообедав в нарпите, спешат в общежитие, где снова садятся за учебу—первокурсники и второкурсники на четыре часа, третьекурсники на три, из всех рабфаковцев только трое (двое первого курса и один третьего) дома совсем не занимаются некоторые занимаются по пяти-шести часов. На чтение книг и газет ежедневно уходит два часа. На самообслуживание, считая и обед, первокурсники затрачивают один час, второкурсники и третьекурсники—два часа, увеличение часов на старших курсах по самообслуживанию, вероятно, стоит в связи с подъемом культурности, о чем говорит даже внешний вид комнат второкурсников и третьекурсников. Спят рабфаковцы немного—второкурсники и третьекурсники по семи часов в сутки, первокурсники по восьми часов, как на редкое исключение в сторону повышения продолжительности сна до десяти часов, можно указать только в одном случае (первокурсник) и в сторону уменьшения до пяти часов—также один случай (третьекурсник), отдыхают в среднем два часа. В общем рабфаковский день во времени распределяется так: семь часов классной учебы, четыре домашней, два часа чтения, два часа самообслуживания, два часа отдыха, семь часов сна, итого 24 часа. Собrania (их не менее двух в неделю) и обще-

¹⁾ Вначале при создании рабфаков Отделом Рабфаков программы еще не были выработаны, приходилось заниматься „творчеством“ на местах.

²⁾ См. мою статью в „Красном Студенте“ за январь 26 г.

ственная работа, на которую большинство рабфаковцев употребляет четыре часа в неделю, происходят за счет отдыха, чтения, домашней учебы.

Отдых рабфаковцев ни содержательностью, ни разнообразием не отличается—прогулки, иногда кино, редко шахматы, музыка, пение, спорт, иногда просто бо́товня, валяние в постели, куренье. „Или балуешься, или поешь, в шахматы играешь, или газеты читаешь, или в кино сходишь, или пляшешь, или песни поешь, или на балалайке играешь, или на собрании бываешь, или к знакомым товарищам сходишь“, так за всех рассказал о часах отдыха студент 2 го курса.

Отдых женщины менее разнообразен: „Часы отдыха провожу дома, иногда в кино, а больше приходится бывать на собраниях“. „Отдых мой уборка комнаты, стирка, глажение“. „Говорим о ненормальностях в рабфакской жизни, иногда гуляем“.

Способом использования часов отдыха рабфаковцы недовольны: „Отдых у нас проходит беспутно“, замечают некоторые, излюбленным развлечением, особенно женщин, является кино, куда, впрочем, охотно идут и мужчины, хотя двое кино характеризовали словом „глупистика“.

Отстающие по учебе отдыхают только во время сна, ночью.

Рабфаковцы полюбили чтение беллетристики, в анкетных ответах они приводят не менее пятидесяти имен своих любимых и нелюбимых писателей. Неожиданно и ненужно рабфаковцы обнаружили знакомство с Чарской, Вербицкой, Арцыбашевым, Надсоном¹⁾. Иностранную литературу знают мало—Синклер, Лондон, Мопассан, Золя, Шекспир и только. Попрежнему неизвестны „Ткачи“ Гауптмана, Уитмен-Верхарн.

У каждого курса имеются свои любимые писатели и литературные типы: у первого курса—Неверов, а именно Мишка из „Ташкента, города хлебного“. Умиляют выносливость, решимость, заботливость маленького мальчика „Нравится мне Мишка за его смелость и мужество, несмотря на то, что он был мальчишка“,—говорит первокурсник, беспартийный крестьянин.

2-ой курс свои симпатии отдает Глебу из „Цементы“ Гладкова. „Люблю Глеба за его твердость, уверенность в том, что цементный завод должен быть восстановлен и он его восстановил. Люблю за выдержанность отношения к инженеру-спецу: он его (Глеба) выпавал белым для избиения, но Глеб простил ему, потому что такой спец нужен для завода“.

3-й курс любит Андрея Кожуха („Железный поток“ Серафимовича) „за его железную волю, за способность ориентироваться в тяжелые моменты, находить выход из положения, учитывать момент и согласно этому действовать“.

Любят рабфаковцы и комиссара Лобачева („Комиссары“, Либединского). „Люблю Лобачева за его прямоту и гибкость мысли, за чисто русскую смекалку, за горячую любовь к партии и партийным рабочим, за здоровое отношение к женщине, за его молодость и близость переживаний: я нашел в нем, хотя и слабые, мои черты“,—пишет второкурсник, партийный, из рабочих.

Как правило, нацмены не знают своей литературы, не знают и русской о нацменах. Только один казак взял из казакской литературы своего любимого героя.

Из дореволюционных писателей рабфаковцы отдают предпочтение Горькому и Пушкину. Первого любят за „вдумчивость, жизнен-

¹⁾ Рабфаковцы прежних годов этих писателей не знали. См. мою статью „Кто они?“ в журнале „Знамя рабфакца“ 23 г.

ный опыт, за его волю, которая не дала погибнуть ему, погрязнуть на дне общества, несмотря на то, что возможностей к этому в его жизни было много". Пушкин привлекает рабфаковцев чистотой и ясностью языка. „Люблю Пушкина“, пишет студентка 2-го курса, партийная крестьянка, „за то, что он пишет картинно, в то же время короткими фразами, понятным языком для всех, кто умеет читать, за беспристрастное изложение того, о чем он пишет и до некоторой степени он революционен для того времени". Из отдельных типов рабфаковцы ценят Катюшу Маслову („Воскресенье Толстого"), которая героически переживала мучения и, несмотря на все предложения Нехлюдова, не пошла с ним". Мнггим нравится Базаров „за его стойкий характер по отношению женщин, вообще парень не размазня и за женской юбкой не пойдет, это одно, и второе — за его взгляды, конечно, не все, но вот хотя бы за взгляд на науку и религию". Это мнение студента третьекурсника, партийного, из крестьян. На 2-ом курсе нашлась одна любительница Чарской. „Чарская, говорит она, очень хорошо описывает жизнь разных молодых людей, и так всегда выходит художественно, и думаешь, как будто бы сам читатель испытывает то, что читает; для развлечения не мешает почитать и пометать". На 2-ом же курсе одна партийная из рабочих любит Надсона „за фантастическую, красивую, пышную, но в то же время чисто русскую речь, в стихах его непоколебимое героismo".

Наибольшей антипатией пользуется Есенин, потому что „слабохарактерный, хуже худой кисейной барышни". „Хулиган". „Ненавижу Есенина до мозга костей", пишет третьекурсник, партийный крестьянин, „как вредно влияющего на идеологию и психологию молодежи своей похабной строфой".

Из женских типов наиболее отрицательное отношение у рабфаковцев, особенно мужчин, к Даше из „Цементы" Гладкова. „Даша является типом распущенной в половом отношении женщины, — говорят рабфаковцы, — безвсякой нравственности, со свойствами уличной шпаны", „Даша пример того, какой не должна быть женщина будущего". Достается и Тане из „Луны с правой стороны" за ее распущенность в половом отношении, а за одно и Малашкину „за то, что он указал недостатки в быте молодежи, но не дал вывода, т. е. пути изжития этих недостатков".

Некоторых студентов подавило обилие нашей литературы. „Современной литературы так много и героев в ней так много, что невозможно разобраться". Язык современной литературы обычно не удовлетворяет. „Произведения современной литературы очень трудно читать, так как построения предложений для меня трудны", говорит студент 2-го курса, партиец, рабочий.

Из литературы прошлого многие студенты настроены отрицательно по отношению Л. Н. Толстого за его примиренчество, религиозность. „Герои Толстого безжизненные и без бога куда", пишет студентка 2-го курса, партийная крестьянка. „Отношусь отрицательно к Л. Н. Толстому за то, что он великолепно предвидел дальнейший путь, по которому пойдет развитие русского общества, но боялся об этом упомянуть и прикасался лишь ко всему этому краем пальцев так бережно, что не шевельнуть", говорит студент 2-го курса, партиец, рабочий. Многие студенты не любят Куприна, Арцыбашева „за его пикантные, сверхреальные произведения, за его смакование стыдненького, которое встречалось, быть может, в жизни". По той же причине не любят Мопассана. Немногие студенты совершенно отрицают

дореволюционную литературу. „Дореволюционная литература негодна!“ безапелляционно заявил перэкурсник, партийный крестьянин.

Ставя вопросы в анкете о писателях и литературных типах, я не имела в виду выявления литературных в кусов рабфаковцев, мне хотелось лишь на оценке литературного материала заставить рабфаковцев показать их отношение к тем или иным чертам характера человека, нахожу, что литературный материал наиболее способствует моей задаче.

Можно заранее сказать, что самым любимым и уважаемым революционным деятелем рабфаковцы считают В. И. Ленина. „Владимир Ильич Ленин, мой самый любимый вождь, моя любовь к нему безгранична, потому что он один наш л правильный путь к коммунизму, по которому мы всей сейчас идем“. — „Наибо ее уважаемый для меня революционный деятель Ленин, так как благодаря ему и коммунистической партии установилась советская власть и под руководством его окрепла. Благодаря этому, у нас, в рабоче-крестьянской стране, открыта дорога в любое учебное заведение рабочему и крестьянину, и благодаря чему я сейчас учусь“. „Люблю Ленина, который смотрел на национальные меньшинства, как на своего сына. Их воспитывал на дело трудящихся“ (студент казак). Охотно рабфаковцы говорят о Троцком, ценя его за ораторские способности и как организатора Красной армии. „В Троцком ценю то, что он хороший оратор, умеет овладеть толпой. Мне лично приходилось его слышать в Ленинграде, во время наступления белых на Ленинград. Он носился по городу на авто, останавливался перед каждой казармой, откуда выходили красноармейцы. Троцкий произносил короткую речь и мчался дальше. Возбужденные красноармейцы готовы были хоть в настоящую минуту броситься в бой, хотя и голодные“, пишет студент 2-го курса, беспартийный крестьянин. „Троцкий тоже парень хороший: сумел руководить Красной армией в тяжелый момент для рабочих и крестьян России. Это не беда, что он поблизил маю ть“ — так отзывается о Троцком студент 2-го курса, партийный рабочий. Только один гетьекурсник одобрил Троцкого и Зиновьева за смелость быть оппозиционерами (когда проводились анкеты, за оппозиционерами еще не числились тайные типографии).

Рабфаковцы ценят, любят Ленина, но едва ли знают углубленно его учение, по крайней мере. этого не выявилось в анкетах: молодежь, очевидно, не знает его статей о молодежи, женщины о женщинах, нацмены, кроме одного, не выявляют Ленина в отношении нацмен.

Уже в оценке революционных вождей, писателей литературных героев рабфаковцы выявили себя. В дальнейшем, в оценке положительных и отрицательных черт человека, рабфаковец выступает еще ярче. К числу положительных сторон человека рабфаковцы относят прямоту, силу воли, общественность и коллективизм. „Положительной чертой считаю твердость в своих мнениях и решениях. Семь раз отмерь, один раз отрежь; умеющего ставить себя и определить место в разговорах с интеллигентами, рабочими, крестьянином, учителем, умеющего изменяться в условиях работы и не трепать языком за прошлые ошибки, а нахрапом, энергией поправлять их“. — „Ценю силу воли — человек с железной силой воли мне нравится, потому что он, что задумал, то и сделал, да и вообще с силой воли человек может быть хорошим революционным работником, он не постоит ни перед чем“. Рабфаковец, в своей массе, оценивая человека, прежде всего задается вопросом, способствуют ли его качества продвижению к социализму: „Ценю человека работоспособного, с чистой совестью,

прямого, беспристрастного ко всему,—такой человек только и может быть строителем социализма“. Лишь немногие рабфаковцы подходят к человеку со своей индивидуальной оценкой: „Люблю смелость, решительность в действиях, только благодаря этим фактам мы завоевали свободу. Еще люблю необузданную натуру, которая делает то, что ей нравится, сама не зная, почему люблю“—пишет третьекурсница, партийная крестьянка. Одному третьекурснику, партийному крестьянину, нравится в человеке „умение поставить себя по отношению к женщинам: не порабощать ее и не находиться самому под ее влиянием“.

С наибольшим осуждением студенты относятся к подхалимству, эгоизму, индивидуализму, безволию, трусости, неуверенности, первокурсники сюда добавляют чванство. Вот несколько выдержек из суждений рабфаковцев: „Особенно не люблю подхалимства, ибо такие люди способны на всякую подлость, лишь бы улучшить свое положение“.—„Не люблю жадности, трусости, нетвердости в своих решениях. Человек, обладающий такими чертами, не может быть товарищем и бывает слишком мелочен и не годится для будущего общества“.—„Не люблю индивидуализм,—это влечет за собой раз'единение наших общих интересов в строении социализма“.—„Не люблю человека, который часто употребляет „я“: это подобно тому, как гусь старается показаться лебедем“. В оценке отрицательных черт у рабфаковца опять проявляется подход со стороны непригодности этих черт для человека будущего. Не исключаются суждения о человеке с точки зрения личной выгоды: хандра, лживость не нравятся, потому что такой человек не может добиться себе благополучия.—„Не нравится человек, который не может ценить своего товарища и лишь тогда, когда у тебя дела идут хорошо, тут он и друг тебе, и товарищ, и поговорит с тобой, и развеселит, а как только что, свернет с пути, то этот друг бежит от тебя и даже осуждает за то, что не могла справиться с делами“.

Обильный материал дают анкеты в отношении быта рабфаковцев со стороны его положительных и отрицательных проявлений. К положительным чертам своего быта рабфаковцы, прежде всего, относят коллективизм, затем общественность, взаимопомощь, умение сохранить бодрость при тяжелых материальных и жилищных условиях. „Положительные черты в быте такие“—рассказывают рабфаковцы—„что, живя в одной комнате, нет ничего деленного: купил фунт сахару—едят все, купил селедку—едят все“. — „Коллективная жизнь в общежитии, простяцкое отношение, веселое отношение друг к другу, а больше всего то хорошо, что рабфаковец, живя впроголодь, смеется, он веселый в оборванных штанах и в петькиных (не своих) ботинках. он учится и действительно получает знания все новые и новые“. — „В общежитии коллективизм, хотя иногда и куций, но в будущем он не будет таковым“. — „Положительные черты в быте те, что так просто идет жизнь, все совместное, все друзья, всегда и обо всем можно поговорить“.

„В нашем быте является положительным коллективная проработка уроков, коллективное помещение в общежитии,—при коллективе всегда можно разработать более трудные вопросы в рабфаковской и нерабфаковской учебе“.

По наблюдению рабфаковцев этот строящийся новый быт в его положительных чертах делает все больший охват, втягивая новых товарищей, помогая изжить им мелкособственнические инстинкты и

замашки.— „Собравшиеся сюда“—пишут в своих анкетах рабфаковцы— „крестьяне и рабочие—многие еще с собственническими взглядами, они здесь, в рабфаковском быту, изживают плохие взгляды, приходят к коллективизму, и многие втягиваются в партийные организации“.— „Начинающийся коллективизм, помощь друг другу в учебе и материальном отношении, обсуждение интересных вопросов и изживание коллективом недостатков у отдельных товарищей,—вот положительные черты нашей жизни“.

Еще больше обратили внимания рабфаковцы на темные стороны своего быта. Молодо, с энтузиазмом они рвутся к новым формам жизни, ищут их, но крепки старые привычки, цепко мертвое держит живых, отсюда борьба старого с новым, с почвы общественно-экономических отношений перенесенная на фронт идеологический, отсюда страстная ненависть у рабфаковца ко всему, что в его быту задерживает, мешает развиваться росткам нового. Отсюда понятно, что рабфаковцы иногда преувеличивают свои недостатки, выпячивают их, кричат о них. Особенно много говорят они о половых излишествах о своей грубости, о мешанской, собственнической идеологии, о пьянстве и пр. Предоставляю слово самим рабфаковцам: „Отрицательные черты нашего быта: половая распущенность, извращение быта, женятся, как голуби, на мгновение, а когда насытят друг друга, то—в разные стороны, а потом аборт, а дальше следует уход из рабфака, временно или навсегда“.—„Грубая похоть самца, ах... как часто без внутренних переживаний. Здесь не влияние Малашкина, а из собственных наблюдений вынес“.—„Отрицательные явления в нашем быту—взаимоотношения полов: ребята тянут свои связи с девушками до окончания рабфака, как кончил рабфак, говорит: ну, наконец, развязался, — начинают гулять обязательно третьекурсники с первокурсницами, чтобы обеспечить исход в развязке. Взрослые ребята, им необходимо иметь половую жизнь, идти к проституткам—нет денег да и боязно. На стороне гулять некогда, девчат на рабфаке мало, сделать выбор зачастую не из кого, найти человека, с которым связать жизнь навсегда, или, вернее, найти товарища жизни—зачастую не приходится“. Приведенные мнения сделаны партийными крестьянами-третьекурсниками. Второкурсник, партийный-рабочий, пишет: „Рабфаковцы часто уговаривают девушку на половую связь, а потом бросают и смеются над девушкой,—часто можно слышать ругательства нехорошими словами, с девушками держатся свободно, далеко заходят в вольностях и, если девушка начинает протестовать, то ее называют мешанкой. Не говорю обо всех, но такие случаи знаю. Все это вызывается утомительной работой и недостатком материальных средств. Сидят почти всегда за книгой, ясно, что все это толкает рабфаковца на удовлетворение, которое он находит в половой связи и других нехороших вещах“.

Женщины, как элемент страдающий, ообенно с болью, страстным негодованием говорят о взаимоотношении полов. „Много недоразумений возникает у нас во взаимоотношениях студентов и студенток“,—пишет третьекурсница, партийная крестьянка: „женщин у нас мало, их нужно беречь, но я не знаю, чем объясняются эти явления, делается так: девушка приходит в рабфак, ее со всех сторон окружают ребята, особенно третьекурсники; некоторые девахи сумеют огородить себя от назойливых ухажеров, ну, а некоторой льстит, что за ней стая ребят бегаёт, а тут уж пойдет: сначала с одним парнем поживет, а потом, глядишь, он уедет, но тут другой подвернется, и так пойдет по торной дорожке, а там и из рабфака вылетит. Винить в отдельности каждого не стоит, так как оба одинаково виноваты, а

нужно обоим взять себя в руки и сдерживаться от разгильдяйства. Я не хочу сказать, что не должны рабфаковцы с рабфаковками жениться, но это должно принять нормальный вид ячеек содействия".

Второкурсница, партийная крестьянка пишет: „Взаимоотношения между рабфаковцем и рабфаковкой бывают часто не просто товарищеские, а больше. Ну, если это есть потребность, как у нас привыкли объяснять большие отношения между девахой и парнем, то не нужно их извращать, как у нас зачастую бывает. Деваха соглашается с ним жить, а впоследствии он оказывается хорошей свиньей по отношению к ней: начинает избегать ее после того, как она уже удовлетворила его скотские чувства; теперь, если деваха не согласна жить половой жизнью, то между ними рвутся отношения, даже и товарищеские, несмотря на то, что они оба являются членами комсомола. Мне кажется, что эти отрицательные черты вызываюся тем, что у нас мало мест, где бы парень и деваха могли провести вместе время и меньше бы имели возможности говорить наедине о половых вопросах и о своем состоянии, если бы мы имели бюджет, который бы нам позволял сходить в кино, в театр, развлечься и то да бы, я думаю, наши отношения были лучше, крепче и продолжительнее".

Другая второкурсница негодует на активистов: „Если активисты наши везде высказываются за товарищеские отношения с девушками, после чего идут и поступают с ними, как самцы, то это объясняется только извращенностью".

Кроме половой распущенности рабфаковцы отмечают „великий мат", пьянство, антисанитарию, грубость, оторванность от жизни. „Пьянки, мат, выработался рабфаковский жаргон, половая распущенность, грязь в общежитии—вот наши недостатки". — „Отрицательные черты нашего быта—замкнутость, однородное развитие, незаинтересованность в текущей жизни: можно заметить сплошь и рядом, что рабфаковец заинтересован только учебой, а на остальное смотрит с наплевательской точки зрения". Недисциплинированность, под видом коллективизма проводят иногда негигиену, например, одна кружка на комнату, общий хлеб, каждый из нас, иногда грязными руками, лезет в хлеб, постельное белье и нательное не меняется иногда 1—1½ месяца в то время, как эта необходимость стоит 80 к. — 1 р. в месяц. Деньги тратятся на курево, кино, иногда (очень редко) на спиртные напитки, мелкие кражи с умывальника (мыло и др.), мат, отсутствие нормального отдыха (хорошо бы кино-аппарат приобрести). Редко, когда услышишь спор на современные темы". — Замечается трение между партийными и беспартийным студенчеством. „Некоторые", — говорит беспартийный студент-рабочий 2-го курса, — „стараятся быть выбранными в студорганизации, например, исполком, и держат студенчество под известным давлением, себя же ставят многознающими, т. е. почти что полное отсутствие демократии". Некоторым студентам не нравится большое количество собраний: „Собрания, совещания, заседания, чтобы доказать сущность построения социализма", — пишет третьекурсник-партиец.

Подчеркивая, как главную ненормальность своего быта — половую распущенность, рабфаковцы с этим же мериллом подходят к оценке совместной учебы с женщинами и к совместной жизни в общежитии; при чем почти все, за малым исключением, признают целесообразность совместного обучения: „Вполне разделяю взгляд на правильность совместного обучения, так как женщина у нас отсталая и ей необходимо учиться у мужчин, и потом сделаться им помощницей". — „Совместное обучение с женщинами мужчинам дает понять, что

женщина ничуть не хуже мужчины в умственном отношении (пожалуй, лучше), и этим самым совместная учеба укрощает самовлюбленность мужчин"—пишут рабфаковцы.

Почти все, за исключением немногих, рабфаковцы относятся отрицательно к совместной жизни в общежитии. „В совместной жизни в общежитии положительного очень и очень мало: вращаясь все время вместе, имеют частые ползвые сношения, а последствия отсюда—роды, отсталость в учебе, новорожденные младенцы кричат на все общежитие и не дают спать“.—„В общежитии много есть ненормальностей: некоторые замужние женщины живут с семнадцатилетними девочками, принимают к себе мужчин, не стесняясь живущих с ними девочек, открыто вешаются мужчинам на шею, чем наталкивают на „хороший“ путь честных девушек, которые часто поддаются под их влияние, и бывают плохие последствия“. — „зачастую ребята только мешают заниматься,—для них комнаты девчат служат кабинетами отдыха. Они позанимаются и хотят отдохнуть; ребят у нас очень много, и иногда получается так: один парень уходит, другой приходит"—пишет второкурсница. „Положительного в совместной жизни в общежитии нет, отрицательные же черты каждому здравомыслящему человеку должны быть видны: во-первых, мы живые и здоровые люди, не кастраты. Женщины-рабфаковки также ничем не отличаются от обыкновенных женщин, им также, как и нам, и вообще живым людям, в особенности молодежи, свойственна при частых встречах склонность к взаимному обожанию. Если бы пореже встречаться, то еще можно удерживать свои порывы; когда встречаешься каждый день, то не выдержишь, и в результате в лучшем случае аборт, а в худшем—увольнение из рабфака. Нам говорят, если хотите—женитесь, но забывают, что мы приехали не жениться,—это мы могли бы сделать и до рабфака, а учиться, и только глупые могут жениться серьезно навсегда при нашем бюджете,—таких у нас мало, если и есть, то женятся не дольше, как до окончания рабфака, а потом—прощай жена и навсегда. И понятно почему: я уже сказал, что мы хотим учиться и никакие семейные заботы нас не уклонят от этого"—говорит третьекурсник, партийный крестьянин. — Конечно, радикальное предложение рабфаковцев—сделать разделное общежитие. Один первокурсник идет дальше: „Я, например, не стал бы плакать, если бы и занятия были отдельно“,—говорит он.

Антагонизм полов еще на все 100% не изжит, нередкое явление, что рабфаковцы считают женщину ниже себя в умственном, общественном, нравственном и физическом отношениях. „Конечно, женщина еще отсталая и меньше воспринимает все научные вопросы, чем мужчина, да еще увлекается и раньше, чем следует, хочет быть матерью. Она наивна, сентиментальна“. — „В правах женщину считают равной, но она слабее мужчины и держится старых взглядов, старается завлечь мужчину в свои сети при помощи красок, фасона платья, игры своего тела, хотя прямо отдаться ей скверно. Вообще женщина—ехидное существо, и будет им до тех пор, пока не искоренятся старые взгляды на мужчин"—пишут второкурсники, партийные крестьяне. — „Женщина—мать, прежде всего, и умственным развитием заниматься до конца ей физически нельзя. Мужчина свободен и потому может заниматься своим умственным развитием. Вывод—женщина не может вполне умственно развиваться и потому, как это ни печально, она дополнять мужчину может, но в противоположность мужчине самостоятельно существовать не может"—мнение третьекурсника, партийного крестьянина. — „Женщину считаю равной в смысле повседнев-

ной жизни, учебы и т. п., в смысле половой жизни они являются соблазнительницами"—пишет первокурсник, партийный крестьянин.

Женщины, особенно партийные крестьянки, охотно признают преимущества мужчин в умственном отношении. „Мужчину не считаю равным себе, чувствую свою отсталость от него в умственном и физическом отношении: в здоровом теле и здоровый дух“. Но в нравственном отношении женщины себя считают выше: „я себя считаю выше парня, например, в здоровом взгляде на жизнь, хотя бы в половом вопросе“,—пишет второкурсница, партийная крестьянка.

В выработке взгляда на любовь рабфаковцы более всего представлены самим себе, поэтому здесь особенно ясно сказались и противоречия эпохи, и социальное различие, и собственный темперамент: „Любовь есть влечение мужчины к женщине, вызванное самой природой для воспроизводства себе подобных и для дружной семейной жизни“.—„Женщина удовлетворяет физические и духовные потребности; кроме того, при теперешней экономике и с материальной стороны женщина является попутчиком мужчины“, пишут второкурсники, партийные рабочие. „Любовь при социализме должна стать чистой, т. е. очищенной от всех буржуазных искажений и играть доминирующую роль в жизни человека“, говорит третьекурсник, партийный рабочий. „Любовь—это не буржуазный предрассудок, а на самом деле—за каким-то чортом ходишь с ней, с женщиной, а дело стоит, а тут дурака валяешь, потому что что то тут есть“,—мнение второкурсника, партийного крестьянина. „В настоящее время смотрю на любовь, как на физическое общение, но до этого на первое место ставил духовную любовь, на второе физическую и год тому назад думал не иметь половых сношений, но сейчас этот взгляд изменил“,—признается третьекурсник, партийный рабочий. „Любовь считаю предрассудком, потому что любви нет, а есть только половое влечение. Любовь применяется тол ко, чтобы обмануть женщину“,—говорит второкурсник, партийный крестьянин. Третьекурсник, партийный рабочий, добавляет: „Идеализированную любовь, не преследующую целей физического общения, признаю буржуазным предрассудком, ибо все психические проявления любви происходят под влиянием гормонов, вырабатываемых половыми железами“. „Я в любви разбираюсь, как свинья в апельсинах“,—признается второкурсник, партийный рабочий.

Большинство рабфаковцев признает, что отношения между мужчинами и женщинами должны быть равноправными, товарищескими, но это не всегда осуществляется: „Отношения сейчас между мужчиной и женщиной никак не устанавливаются, чтобы они были товарищеские, а все смотришь, как на женщину: например, если пойдешь в комнату к девочкам, то обязательно расчешешь волосы, и если тельная рубашка грязная, то обязательно наденешь или френч, или верхнюю убашку, а к ребятам идешь без стеснения“,—говорит студент 2-го курса, партийный крестьянин. „Отношения должны быть взаимноравными, в особенности со стороны мужчин. Нужно каждому из них осознать, что своими взглядами на современную любовь они развращают девушку, приехавшую из деревни. Мужчина, уговаривая девушку, говорит, если она не соглашается удовлетворить его половые потребности, что ты мешанка, тебе не место быть в комсомоле, и также в рабфаке, и вот слабая темная девушка гибнет“, рассказывает первокурсница, партийная крестьянка.

Кроме половой проблемы взаимоотношений мужчины и женщины, в рабфаковской среде выявляются, хотя и не так отчетливо, противоречия между крестьянином и рабочим, индивидуумом и коллективом; эти противоречия в большинстве сказываются на первом курсе и к окончанию рабфака почти изживаются. „Быт рабфаковца должен быть совершенным коллективом, представлять одно целое, неразрывное, но часто у нас с шуточных разговоров переходят к серьезному спору о делении на крестьян, служащих и рабочих“. „В комнатах у нас грязь, матерщина, объясняется это тем, что собрались студенты с разных сторон, в большинстве все крестьяне, увидев городскую жизнь, с жадностью бросаются на нее“. „Отрицательные стороны рабфаковского быта особенно заметны в первый год. Рабфаковцы с'ехались с разных сторон, подчас неодинаковых взглядов, потому на первых порах наблюдаются ссоры из-за койки, из-за стула, разделяются на рабочих и крестьян, на омичей и алгайцев и т. д.; на 2-ой же год учебы рабфаковцы уже сживаются“—отмечают рабфаковцы.

Индивидуализм и собственничество не сразу изживаются в рабфаковской среде. „Рабфак приучает к коллективизму, который, признаться, я не очень люблю“,—заявляет первокурсник, беспартийный крестьянин. „В первое время необходимость подчинения своей воли коллективу нервирует рабфаковца, потому что ему кажется, что с его мнением и привычками не считаются“—пишет второкурсник, партийный крестьянин. „Рабфаковская среда, благодаря своей слишком большой коллективизации, убила у меня мою волю и дала мне коллективную, меньшего значения для меня“,—сообщает третьекурсница, партийная крестьянка.

В своих ответах рабфаковцы отмечают то положительное, что им дал рабфак. „Человек, вошедший в среду рабфаковской жизни, изменяет свою психологию: он становится членом той семьи, которая идет по одному пути, вследствие чего вырабатывается индивидуум с новыми взглядами на жизнь и на общество“. „Критикой коллектива выправляются шероховатости. Раньше был какой-то черствый, а теперь, благодаря коллективной рабфаковской среде, я стал, по-моему и по мнению со мной живущих, другим человеком, изменился в сторону улучшения. Я это учел и предпочитаю жить в общежитии, а не на частной квартире. Наш коллектив друг друга исправляет“. „В рабфак приходит сырой молодняк, в особенности крестьянство; находясь в одной обстановке с рабочими, крестьянский молодняк закаляется пролетарским духом“,—подмечают рабфаковцы. Но, по свидетельству рабфаковцев, рабфак, на ряду с положительным влиянием, оказывает и отрицательное воздействие на нравственную и физическую стороны студента: „В плохих экономических условиях и ненормальной работе (14 часов в сутки) теряется мое здоровье: я выйду из рабфака при наличии плохого здоровья и не смогу выполнить ожидаемый от меня долг“. — „Появляется отрыв от окружающей жизни, вырабатываются скверный взгляд на женщину, замкнутость, пренебрежение к семейной жизни“. „На рабфаке я стала первоклассной хулиганкой и хулиганю умело, остро, и своим хулиганством, остроумным поражаю других и действую на них „положительно“ в смысле воспитания в хулиганстве“. — „Стал я большим матерщинником“. — Вот отрицательные воздействия рабфаковского быта. Перегруженность, недоедание, недосыпание, отсюда потеря здоровья, действительно,—уязвимое место рабфака, может быть, с переходом на четырехлетнее об-

учение оно в значительной степени изживется. Прочие же заявления рабфаковцев лишь свидетельствуют о наличии в рабфаковской среде неустойчивого, пассивного, легко поддающегося влиянию элемента.

Как правило, рабфаковцы любят свой коллектив, открывший им другую жизнь, отличную от той, которой они жили раньше, прививший им другие интересы, поставивший их в новую обстановку, поэтому они, особенно крестьяне, тяготея, возвращаясь на каникулах домой, укладом деревенской жизни, указывают на свой отрыв от нее: „Отрыв от домашней обстановки есть в мышлении, в разговорах. Я говорю про задачи, историю, отметки, оцениваю преподавателей, а дома рассуждают об одежде, пище и т. д.“ — „Чувствую, что я отрываюсь от дома, забываю крестьянские нужды, это вызывается, вероятно, тем, что я еще мало культурная, не осознаю поставленной перед мной цели“, пишет первокурсница, партийная крестьянка. Скука, дома не имею, а бываю в мазанке, где носятся миллиарды мух и мычат телята — второкурсник-крестьянин. „Как приедешь, не найдешь даже общих тем для разговора“ — второкурсница крестьянка. „Чувствую определенный отрыв от дома: дома старая обстановка (иконы, попы и т. д.). За время отсутствия наши взгляды, наш кругозор сильно расширился и деревенские комедии с попами и бабками кажутся такими далекими, далекими“ — крестьянин-третьекурсник. Но первокурсников иногда еще тянет домой. „Сейчас весна, полевые работы“, пишет один, „пахота, посев и прочее, — чувствуется тоска: так бы и схватил в свои объятия родные, бархатом усталые, поля“.

Оторвавшись от домашней обстановки, рабфаковцы в большинстве не чувствуют отрыва от производства, желая по окончании ВУЗ'а снова возвратиться в ту среду, откуда они пришли: „по окончании ВУЗ'а хочу быть агрономом. Я — крестьянка, а потому вернее могу подойти к разрешению крестьянских вопросов в устройстве и в усовершенствовании сельского хозяйства“. — „Хочу быть юристом, защитником прав женщин, в виду нашей женской отсталости, неумения отстаивать свои права“. — „Хотелось бы быть инженером и все силы бросить на фронт строительства социализма, так как я рабочий и производство мне очень дорого и я там дам больше продуктивности, чем где-либо в другом месте“. — „Хочу быть инженером потому, что у меня стремление с детства к этой отрасли, в которой работал простым рабочим“. — „Хочу быть инженером тяговым, пойду по своей профессии, к которой я привык с малолетства, люблю свое производство и хочу отдать всю свою жизнь на улучшение его“. — „Хочу быть землеустроителем, учитывая свое крестьянское происхождение“. Так часть рабфаковцев мотивирует выбор своей профессии в будущем, выдвигая, особенно женщины, на первый план пользу общества, но меньшее количество рабфаковцев при выборе специальности руководствуется выгодой или чистым интересом или только склонностью: хочу быть хозяйственником, так как у меня имеется к этому склонность: я с детского возраста любил аккуратность в отношении самого себя, избы, двора, чтобы каждый предмет, вплоть до палки, имел свое место — „Хочу быть педагогом потому, что здоровье мое требует спокойной жизни“. — „Хотел бы быть электроинженером потому, что эта специальность частично знакома, а также выгодна в будущем, так как везде применяется электрификация“. — „Хочу быть астрономом потому, что интересуюсь Марсом“. Шестеро рабфаковцев изъявили желание по окончании ВУЗ'а сделаться учеными.

Выводы.

1. Анкетирование лишь один из способов изучения личности рабфаковца, полного охвата изучаемого явления анкета дать не может, поэтому собранный мною материал не представляется исчерпывающим.

2. Рабфаковцы не представляют из себя однородной массы, в их среде имеется целый ряд противоречий, обусловленных неоднородностью социального состава, возраста, противоречиями нашей эпохи.

3. Несмотря на неоднородность, в среде рабфаковцев имеется основное, здоровое ядро.

4. Рабфаковцы строят новый быт, основа которого коллективизм. Оформлению нового быта мешают обломки старого быта, выражающиеся в индивидуализме, собственничестве, эгоизме, распушенности всех видов.

5. Основные противоречия рабфаковского быта: взаимоотношения полов, взаимоотношения рабочих и крестьян, взаимоотношения коллектива и индивидуума.

6. Начало положительное, начало организующее сильнее дезорганизующей стихии старых привычек и навыков.

7. Основное звено быта наметилось, —отсюда задача, ухватившись за это звено, уверенно повести воспитательную работу среди рабфаковцев.

С. Козлова.

О летней практике.

(1926 — 1927 г.).

За время летних каникул каждый студент имел в своем распоряжении, учитывая время на проезд, от 2 х до 3 месяцев.

Не считая выпускников, каникулами воспользовался 281 человек.

Подготовительная работа свелась к следующему:

1) По предложению горбюро, было проведено два инструктивных доклада (о международном положении и о нашей с/хоз. политике).

2) Зав. рабфаком был проведен инструктивный доклад о порядке проведения летней практики и

3) для отпускников была выработана особая памятка, где была дана общая установка, указано, на что необходимо обращать внимание и, кроме того, дана инструкция по сбору материалов для кабинетов и рекомендована форма отчетности.

Из общего количества 281 человека 9 студентов были переведены на следующий курс условно (Михляев, Пономарев Теребило, Шелехов, Урманчиев, Еремейко, Алеев, Муромец и Полевский), —до представления ими отчета о проведенной в летнее время общественной работе.

Из этих девяти студентов: 6 человек представили дневники, 1 — заверенный отчет и 1 — справку, и работа всех их признана удовлетворительной, а 1, Михляев, не представил никакого отчета, неосновательно ссылаясь на то, что он работая на открытой станции ж. д., не имел возможности вести общественную работу.

Что касается вообще студентов, то из них:

	Числится по списку	Представило отчеты или справки	%
Подгот. К. К. О.	3	—	—
V курс К. К. О.	17	—	—
1 к. (осн.)	25	5	20
2 курс	120	57	48
3 курс	116	24	21
Итого	281	86	31

Таким образом $\frac{2}{3}$ студентов никаких сведений о своей общественной работе не доставило:

а) без объяснения причин 195 чел.

б) ссылаясь на разные причины 86 чел., из которых выставили следующие причины:

- 1) готовились к осеннему испытанию 3 чел.
- 2) болезнь 2 "
- 3) участвовал на терсборе 1 "
- 4) участвовал в дальней экскурсии 1 "
- 5) не получил инструкции (уехал раньше других) 1 "
- 6) не было времени 11 "
- 7) неблагоприятная обстановка:

- жил в лесничестве в степи 1 "
- работал поденным чернорабочим 1 "
- были в дороге 2 "
- жило в городе 5 "
- мало пришлось жить в деревне 1 "
- постоянные переезды 1 "
- мешал ребенок 1 "

Итого . . 12 .

В качестве формы отчетности рекомендован дневник, при чем:

- 1) представление отзывов и справок считалось обязательным и
- 2) в качестве пожелания предлагалось к дневнику прилагать сводку работы, откуда было бы видно, сколько человек или организаций было обслужено теми или другими видами помощи населению (докладами, беседами, читками, советами и т. д.).

Из 86 человек, отчитавшихся в своей работе, представили:

а) один дневник	20 чел.	} 50%
б) дневник с характер. и справ.	24 "	
в) одни справки и отзывы	14 "	} 50%
г) отчеты в общих выражениях	22 "	
д) такие же отчеты со справками и отзывами	6 "	

Только дневники дают возможность оценить с количественной и качественной стороны проведенную общественную работу, но и здесь является то, что в большинстве случаев не отмечается, как это требовалось, сколько человек было обслужено разного вида помощью населению.

Последних насчитывается 14 (не считая работу в своем хозяйстве).

1) Доклады и беседы	234 случая.
2) Разрешение вопросов, дача советов, предложений	109 "
3) Чтение газет и журналов	122 "
4) Разного рода конкретная помощь:	
а) организациям	134 "
б) отдельным лицам, группам и хозяйствам	260 "
5) Путем участия в производстве и на постоянн. должн.	52 "
6) Участие в обследованиях	10 "
7) Сбор разных коллекций	8 "
8) Организация и проведение кампаний	31 "
9) Организация и помощь по самообразованию	11 "
10) Организация спектаклей, политсудов и т. п. и участие в них	40 "
11) Организация стенгазет и участие в печати	41 "
12) Участие на съездах, конференциях, организация общ. собран.	57 "
13) Организация экскурсий и участие в них	9 "
14) Организация товариществ, кружков, ячеек и работа в них	30 "

Принимая во внимание, что только 50% отчетов (дневники) дают возможность установить работу с некоторой детализацией, приведенное число случаев разной помощи населению можно принимать лишь условно.

Доклады и беседы.—Здесь учтены самые разнородные темы, которые даже при некотором обобщении дают около 80 названий и которые можно подразделить на следующие 8 групп:

1. Международное положение и задачи обороны	78 (33%).
2. Общеполитические	33 (14%).
3. Естеств.-научн. и антирелигиозн.	14 (6%).
4. Гигиена и быт	9 (4%).
5. С.-хозяйственные и крестьянские	70 (31%).
6. О рабфаке	14 (6%).
7. Самообразов. работа и парт.-комс. учеба	3 (1%).
8. Отчетные доклады	13 (5%).

Итого 234 (100%).

Группа „Международное положение и задачи обороны“ включает в себя следующие темы:

а) Международное положение	37.
б) Женевское совещание	1.
в) Военизация	5.
г) Неделя обороны	14.
д) Воен. опасность и задачи молодежи	1.
е) Оборона страны	9.
ж) Разрыв с Англией	3.

з) События в Китае	5.
и) Связанности допризывников	1.
к) Задачи Оссавиахима	1
л) Венские события	1.

Итого . 78.

К группе **общеполитических** тем отнесены:

а) Годовщина конституции	4.
б) Международн. день кооперации и вооб- ще о кооперации	9.
в) Н ша налоговая политика	4.
г) Итоги 5 конференции ВЛКСМ	2.
д) Рационализация производства в деле индустриализации страны	1.
е) Комсомол и задачи современ. молодежи	5.
ж) Формы массовой работы ВЛКСМ	1.
з) О печати	1.
и) О решениях 3 Сиб. парт. конференции	1.
к) Народн. образов. в СССР	1.
л) Партия и соввласть	1.
м) О профсоюзах	1.
н) Об оппозиции	1.

Итого . 33

К естественно-научным и антирелигиозным относятся:

а) Первобытный человек и религия	1
б) Затмение солнца	4
в) Монастыри и мощи	1
г) Атмосферные осадки	1
д) О религии	1
е) Астрономия и религия	1
ж) Извержения вулканов	1
з) Метеорологическая станция и ее работа	1
и) Солнечная система и падающие звезды	1
к) Происхождение христ. праздников	1 и
л) Беседа т. Одинцева с дев-атами,—единственная в своем роде „О любви, венерических болезнях и как происходит оплодотворение“	1

Итого . 14

В группу **„Гигиена и быт“** включены следующие темы:

а) Быт крестьянской молодежи	1
б) Цели и задачи физкультуры	1
в) Кормление ребенка	1
г) Гигиена в повседневной жизни	2
д) Женщина раньше и теперь	1
е) О зарплате	1
ж) Как проводить праздники	1
з) Охрана труда	1

Итого . 9

К сельскохозяйственным и крестьянским темам отнесены:

а) О сельхозналоге	19
б) Жизнь кочевая и оседлая	1
в) Земельная реформа Киргизии	1
г) Значение теплых дворов и хлебов	2
д) Сохранение леса и леса местного значения	3
е) О землеустройстве	3
ж) Значение улучшения скотоводства	2
з) Многополье и травосеяние	11
и) Льготы красноармейцам	1
к) Беднота и выявление скрытых объектов обложения	4
л) Условия труда сезонных и с./х. рабочих	3
м) Задача комсомола по кооперированию крестьян, улучшению с./хозяйства и по обслуживанию нужд крестьянства	3
н) Механизированный маслозавод	1
о) Партия и сельское хозяйство	1
п) О коллективизации сельского хозяйства	2
р) Что дала Октябрьская революция бедноте	1
с) О культуре в деревне	1
т) Работа селькоров в деревне	2
у) О просвещении в деревне	4
ф) Расслоение в деревне	1
х) Город и деревня	2
ц) Рабочие и крестьяне	2

Итого . 70

В группу „Самообразовательная работа и парткомсомольская учеба“ включены темы:

а) Самообразовательная работа	1
б) Как и что нужно читать коммунисту	1
в) О подготовке к зимней партучебе	1

Итого . 3

Последние две группы особых пояснений не требуют.

Очевидно, что делались доклады и проводились беседы как в соответствии с местными запросами, так и в зависимости от осведомленности каждый раз студента, но, так или иначе, необходимо отметить, что 85% всех тем носят современный и злободневный характер, а в число остальных 15%, к тому же, относятся темы последних двух групп: „О рабфаке“ и „Отчетные“.

К таким же современным и злободневным вопросам необходимо отнести и беседу с девушками т. Одинцева; „О любви, венерических болезнях и как происходит оплодотворение“, но, очевидно, придется порекомендовать в таких темах в будущем не упражняться.

Разрешение вопросов, дача советов, предложений.

Таких случаев, как уже упомянуто, отмечено в отчетах 109. Здесь имеются в виду те ответы, советы и предложения, которые ими были даны или сделаны по вопросам гигиены, быта, хозяйства, международного положения, связанным с правилами поступления на рабфак,

и другим из повседневной жизни как в порядке беседы, так и в порядке участия на деловых заседаниях.

Несомненно, из подобных случаев фиксировались в дневниках лишь наиболее значительные, при чем часто студент помещает в дневнике и содержание своего ответа или предложения. И нужно отметить, что в большинстве случаев ответы вдумчивые и правильные, а эта форма помощи несомненно,—особенно деревенскому, неизбежная и крайне нужная.

Чтение газет и журналов (122 случая).

Громкое чтение обычно сопровождалось пояснением прочитанного и проводилось в избе-читальне, на производстве, в обеденный перерыв на фабрике, на завалинке около деревенской избы, на вечерках и т. п. К сожалению, и здесь нельзя сделать подсчета общего числа обслуженных в этом порядке.

Разного рода конкретная помощь:

а) Организациям (134 случая),—сюда относятся: участие в очистке общественного сада и вообще в субботниках и воскресниках, участие в распределении сенокосных угодий и выявлении скрытых объектов обложения, в обмере пашен, в расценке и переоценке кооперативных товаров, в работе ревизионных органов, помощь при составлении различных списков, актов, сбор средств по подписным листам, помощь при установке радиоприемников, помощь в работе при потраве кобылки, непосредственное участие в учете товаров кооперации, помощь по налаживанию счетоводства и так далее и тому подобное;

б) Отдельным лицам, группам и хозяйствам (260 случаев),—сюда относятся: помощь должностным лицам сельсовета, кооперации и др. учреждений по проверке подсчетов, расценке товаров, по составлению списков и в других их работах, когда у них нехватает времени или умения, тоже—в работе избача, писание отдельным лицам и группам заявлений и жалоб и прочее.

Все упомянутые выше формы повседневной помощи населению наших студентов в порядке летней практики, в первую голову, вызывали признательность со стороны населения и, создавая популярность, делали их нужными и полезными, что и отмечается в целом ряде данных им отзывов.

Участие на производстве и постоянных должностях (52 случая),—здесь имеется в виду исключительно работа на фабрично-заводских предприятиях или на тех или иных должностях в организациях нашей советской общественности: зав. избой-читальней, секретарь той или иной ячейки, переводчик землеустроительной партии и т. п.—обычно, там же студент выполнял и ту или иную общественную работу. Однако, некоторые считали почему то, что в таких случаях они могут считать себя свободными от нее. Впрочем таких насчитывается всего 3—4 человека, и они, скорее, не убеждены в этом, а пробуют задним числом оправдать свою бездеятельность в области общественной работы.

Участие в обследованиях (10 случаев),—здесь имеется в виду непосредственная обследовательская работа по обследованию селений, деревенского быта, организаций как по собственной инициативе, так и по доверию и поручению советских учреждений и тех или иных организаций.

Сбор различных коллекций (8 случаев),—исключительно по инициативе студентов (собирали растения, камни, насекомых и т. п.) как для доставки их в рабфак в соответствующие кабинеты, так и для пояснения некоторых вопросов местному населению.

Организация и проведение различных кампаний (31 случай),—сюда относятся кампании и местного и всесоюзного значения: Неделя Обороны, международный день кооперации, годовщина конституции, по проведению землеустройства, по обмеру пашен, по сбору средств на авиафлот „В ответ Чемберлену“.

Организация и помощь по самообразованию (11 случаев),—здесь имеется в виду организация кружков по самообразованию, консультация их и отдельных товарищей, занимающихся самообразованием, и непосредственная работа в упомянутых кружках в качестве лекторов и руководителей.

Если судить по отчетам, этой форме работы нашими студентами уделено недостаточно внимания, хотя, быть может, здесь сказались и обычный тон, снижение и затихание работы в летнее время.

Организация спектаклей, политсудов и т. п. участие в них (40 случаев). Здесь наши студенты являлись и организаторами, и непосредственными участниками, и, если принять во внимание и здесь обычное снижение работы в летнее время, участие их было достаточное.

Организация стенгазет и участие в печати (41 случай),—здесь работа свелась к тому, что было заново организовано всего 2—3 стенгазеты, внесено оживление в работу других стенгазет, при чем в этих случаях наши студенты и работали в рабселькоровских кружках, и несли редакторские обязанности, и принимали на себя украшение газеты, и давали свои заметки. 9 заметок посланы были ими и в местные печатные органы, при чем некоторыми представлены при отчетах и соответствующие вырезки из упомянутых газет.

Участие на с'ездах, конференциях, организация общих собраний. (57 случаев),—эту форму работы необходимо выделить потому, что здесь сказывается как общественность и активность нашего студента, так и умение его быть полезным.

Если принять во внимание, что только 44 человека представили дневники, по которым можно учесть эту работу, то оказывается, что на каждого студента падает 1—2 из рассматриваемых случаев.

Обычно на с'ездах и конференциях наши студенты или докладчики, или члены президиума, или выступают в прениях и вносят соответствующие предложения. Что же касается организации ими общих собраний, то здесь учтены те случаи, когда они сами, по поручению или по личной инициативе, но в контакте с местными организациями и под их руководством организовывали собрания бедноты, батраков, молодежи, пайщиков кооперации и т. п.

Организация экскурсий и участие в них (9 случаев),—незначительное число случаев опять-таки можно объяснить летним периодом, но возможно и тем, что для организации экскурсии требуются известная осведомленность и умение, чем наши студенты, как правило, владеют слабо.

Организация товариществ, кружков, ячеек и работа в них (30 случаев),—все это не легче, чем организовать экскурсию, но в этой области наш студент и более способен, и более активен.

Обычные пути и методы втягивания студента в общественную работу.

Двое описывают, как они еще в поезде заводят беседу с проводником, с отдельным рабочим или крестьянином. Один сообщает, что на пароходе, на котором он ехал, он был использован, как редактор стенгазеты. А дальше—громкая читка газет, участие на заседаниях сельсовета или фабзавместкома и выступления там с деловыми предложениями приводят к ним многих за советами и за ответами, наводят на мысль о возможности и целесообразности использования их по разным случаям и в различных областях работы.

Чувствуется, что лишь те не могут приложить своих знаний к общественной работе, которые этого не хотят или которые, „чувствуя в себе силы необъятные“, ищут в городе или в деревне задач особенных.

Затруднения в работе.

Не говоря о тех (немногих) случаях, когда некоторые наши товарищи - студенты затруднялись повести работу или потому, что там, где они были, было мало людей (Михляев на ст. ж. д.), или потому, что там, где они были (в городах), было и без них много работников - общественников, материалы отчетов указывают лишь три случая, когда наши студенты испытывали затруднения.

В первом случае русский студент среди киргизского населения, не зная местного языка, провел определенную работу, используя киргиза, знающего русский язык, как переводчика.

Во втором случае наш студент чрезвычайно плохо себя чувствовал, не изучив последнего положения о сельхозналоге, в связи с чем первое время ему пришлось зачитывать его и разъяснять.

Наконец, в третьем случае, несмотря на полученную подготовку до рабфака и в рабфаке, студент, как он сам свидетельствует, не знал о формах, содержании, методах и направлении работы „коммуниста-одиночки“ и запросил уком. Тот ему ничего не ответил. После этого в дневнике отмечено, что этот диковинный человек нашел указания в „Бедноте“, согласно которых в дальнейшем (скажем, не очень бойко) и действовал.

В ы в о д ы.

1. Поскольку необходимость представления дневников была одинаково признана обязательной и президиумом и студорганизациями, непредставление их необходимо считать также недопустимым, как и самый факт непроведения за летние каникулы общественной работы, кроме, конечно, тех случаев, когда и то и другое объясняется особыми причинами.

2. В будущем, не давая студентам, как и раньше, определенной какой-то работы, считать для каждого обязательным проведение общественной работы и представление определенного отчета.

3. Дневник считать наилучшей формой отчета, относя отзывы и справки к необязательным документам, но требуя, чтобы в дневнике точно отмечались: вид помощи населению, число обслуженных лиц, конкретные результаты этой помощи, если последние можно уже было установить, затруднения, с которыми столкнулся студент

(суб'ективного и об'ективного характера) и, наконец, давая все это день за-днем, в виде сухого перечня, без длинных описаний и рассуждений.

4. Своевременно переработать памятку.

5. Перед этой работой определенных студентов или отобрать от них отзывы по ряду вопросов и, прежде всего: 1) чем объясняется более слабая общественная работа студентов, остающихся на летние каникулы в городе, 2) чем объясняется слабое участие их в деле помощи самообразованию и 3) в чем должна выразиться подготовительная перед летними каникулами работа на Р. Ф.

6. В свою очередь, данному вопросу желательно предпослать информирование всего студенчества по содержанию данного отчета.

7. На всех, которые не проводили за время летних каникул общественной работы без уважительных к тому причин, обратить особое внимание для чего: 1) сделать им соответствующие отметки в журналах по учету работы студентов, а, затем, и в полугодовых ведомостях педагогических советов и 2) взять их на особый учет в комиссии по распределению общественной нагрузки.

8. Подготовительную к летней практике кампанию на рабфаке провести с таким расчетом, чтобы ею были охвачены все студенты, за исключением подлежащих в этом учебном году выпуску в ВУЗ'ы и техникумы.

Опыт летней практики нужно использовать, очевидно, и в период зимних каникул.

М. Постников.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ.

Стихи Саши Заречного.

ЧИТАЛЬНЯ.

Такая комната простая,
Быть может, проще ее нет.
Кругом покой и тишь немая,
И лампочек искристый свет.

И тихий шорох перелистов,
И вздохи ровные ребят,
Что взором вдумчивым, лучистым
На строчки серые глядят.

И на стене портрет любимый,
Прищулив азиатский глаз,
Ильич родной, Ильич интимный
Улыбкою лелеет нас.

И все. И лишь слова, как птицы,
Бесшумно реют в головах
Да на окно луна косится,
Теряясь в дымных облаках.

Такая комната простыя,
Быть может, проще ее нет.
Кругом покой... и тишь немая...
И лампочек погашен свет...

* * *

Да, друзья, веселым быть неплохо
В эти дни, летящие стрелой.
Я давно ли горевал и охал
Над своей нерадостной судьбой?

А теперь в душе моей цветенье
И любовь к учебе и труду.
Если скучно — развлекаюсь чтеньем,
А устану, — погулять иду.

Погуляю, освежусь и снова
За перо, за книгу и тетрадь...
В бездну слов и в омуты законов
Погружаюсь с головой опять.

Дни летят и нежными штрихами
На мозгу моем рисует жизнь.
Дни летят и яркими огнями
Зажигают голубую высь.
Дни летят и мне кричат: „учись“!

* * *

Сонный вечер. Вянет ветер.
Шум толпы и фонари.
На углу я милку встретил,
Ей улыбку подарил.

Засмеялась... заблестели
В глазках синие огни;
Мы сегодня с ней хотели
Быть в саду... в тиши... одни.

* * * * *

Но увы! она, стесняясь,
Мне сказала: „Не шали“.
И глаза, огнем плескаясь,
Как цветочки зацвели.

ГУЛЯНКА.

Вечер замурлыкал, засопел, как кот.
И понесся с гиком в пляску хоровод.
И гармонь, шалава, заиграла звонко,
Девушек орава заплясала ловко.
Мес-ц свои уши над гармонью свесив,
С грустным видом слушал переливы песен.
В гомоне и свисте ночка потонула,
Девка гармонисту мило подмигнула.
И гармонь замолкла, все сцепились парами.
Где-то крикнул громко кочет за амбарами,
На востоке алая вспыхнула заря,
А в воротах с малыми девки говорят.

* * *

Стой!.. потише...
Через горы,
Через эти скаты.
Вон вдали мелькают крыши
И старушки хаты.

Вот мое село родное,
Вот оно родимое,
За ним небо голубое,
Поле рьжегровое.

Я приехал: вот мой дом
(Видеть не хотите ли?).
Меня „встрели“ под окном
Весело родители.

В сердце радость полилась,
Радость необ'ятная.
Эх! село мое, село—
Тишина приятная.

ГОЛОС „ОТТУДА“.

Свет костра на несколько шагов отгоняет черную мглу ночи и освещает ближние стволы деревьев, окруживших серыми тенями костер, как будто холодный ветер заморозил их и они тянутся к теплу. Дальше, за этими серыми силуэтами, тьма вполне вступила в свои права и окутала мрачной пеленой все предметы, как бы желая скрыть дорогу для нее тайну.

Небо опрокинулось черным шатром, и было так темно, что нельзя было увидеть, где кончаются верхушки деревьев и где начинается оно, угрюмо-нахмурившееся, готовое заплакать мелкими безутешными слезами осеннего ненастья.

Возле костра, рядом со мной, лежал облокотившись мой товарищ, парень лет двадцати, с глубокой морщиной меж бровей. Глядя куда-то в даль, мимо костра, он говорил. Но рев ветра и печальный стон деревьев временами заглушали его голос, и тогда только по движению губ я мог догадаться о чем он говорит.

„Это было ровно три года тому назад. Я жил в небольшой захолустной деревушке. „Избачил“, как в шутку определили мое занятие ребята.

Тогда, как и сейчас, я не верил ни во что кроме физической силы. Никакие сверхестественные силы для меня не существовали, как не существовали и их руководители—бог и чорт.

Я был я сам, а остальное меня не касалось. Ребятам старался внушить э о же. И вот, в результате такой пропаганды, однажды после выпивки ребята предложили мне сходить на кладбище и принести оттуда старый подгнивший крест.

— С могилы Шиткина. Он уже старый и сломить его не трудно.— Дополнил один.

Еслибы я был трезв, то, может быть, я и не пошел бы, обратив это предложение в шутку, но так как в голове у меня шумело, то, чтоб доказать свою правоту и, кстати, бесстрашие, я без всяких рассуждений пошел, имея против могущей встретиться физической силы револьвер, с которым я никогда не расставался. Отрицая сверхестественные силы, я слишком таки признавал физическую силу, тем паче в такой глухой деревушке.

Ночь походила на эту, только временами между обрывками туч выглядывала бледная кособокая рожа луны.

Ветер, как и сейчас, дул очень сильно и порой бросал в лицо несколько холодных капель, и было похоже, что он злится, рычит и в бессильной злобе плюет в лицо.

Кладбище находилось верстах в полуторах от деревни, и, пока я шел, небо настолько прояснилось, что луна большую часть времени светила и закрывалась клочьями туч лишь изредка. Только ветер выл и рвал с той же силой и быстро гнал по небу серые мохнатки.

Не думая о том, что меня может жрать на кладбище, я медленно, неровными шагами, шел к своей цели. Через несколько минут я достиг ее, и уже взялся было за дело, как вдруг услышал голос, ходивший как будто из-под земли. Я вздрогнул и осмотрелся кругом. Никого не было. А, может быть, я ослышался? Может, это ветер прошелестел по кустам, а мне показалось, что назвали мое имя? Не знаю, насколько было веско это предположение, но я успокоился и принялся за работу. Голос повторился и на этот раз яснее, хотя все

такой же глухой. Холодная дрожь мурашками пробежала по моему телу. Я чувствовал, что бледнею. Весь хмель моментально вылетел у меня из головы, я стоял, растерянно оглядываясь во все стороны. Никого не было видно. Что бы это значило? Как объяснить это? Неужели и в самом деле легенды о сверхъестественных силах имеют долю правды? Но нет, это, повидимому, потому, что я пьян и обстановка такая, что нервы сами собой напрягаются и наверняка это галлюцинация. Однако, голос продолжал слышаться и уже произносил не только мое имя. Сначала это был почти шопот. Он все время становился ясней, и, наконец, я мог уже разобрать, о чем он говорит.

—...Зачем ты пришел сюда? Что тебе здесь надо?.. Уходи и не возмущай души погребенных здесь...

Страх, как яд, пополз по всему телу и заполнил все уголки. Голова кружилась, и зубы, помимо моей воли, начали выбивать дробь. Если это была галлюцинация, то настолько необычная, что я совершенно не мог ее объяснить. Я стоял в полнейшем недоумении и не знал, что мне делать. Рассудок толкал меня посмотреть, что это за голос, проверить себя, а чувство, начавшее, как мне ни стыдно сейчас, признавать правоту легенд, говорило, что я должен уйти отсюда. Рассудок поборол, и я направился на голос, предварительно сломив крест и держа его в левой руке, но лишь сделал я несколько шагов, как из-за ближайшего монумента выходит фигура в саване. Этого я не ожидал и в ужасе остановился, глядя на нее, а она заговорила тем же могильным голосом с оттенком гнева:

—Еще раз спрашиваю: зачем ты пришел сюда?.. чтоб показать товарищам свое бесстрашие? Повторяю—уйди, иначе души погребенных здесь возмутятся, и плохо будет тебе, отверженному от бога и отвергающему существование бо.....

Рука инстинктивно опустилась в карман, и, выхватив револьвер, я три раза подряд выстрелил в фигуру, которая со стоном повалилась на землю.

Ветер подхватил выстрелы и с злобным хохотом понес их по лесу. Объятый ужасом, я не помнил, как добежал до деревни и объяснил товарищам... Я только тут понял, что я сделал..."

Он замолчал и гримаса страдания пробежала по его лицу. Небо немного прояснилось и изредка проглядывало между серой пеленой туч.

—Что же дальше?—спросил я.

Он вздрогнул и, скрипнув зубами, скорее простонал, чем проговорил:

—Это был мой товарищ, и я убил его. Меня после судили, как убийцу, но оправдали...

Деревья уже не шумели, а стонали под напором усиливающегося ветра и, казалось, они плачут.

О чем?

О лете, так быстро сменившимся холодной, плаксивой старухой-осенью или о молодой жизни так рано и безрассудно погибшей?

Как знать?

Н. Борисов.

МОЙ КРАЙ.

Я из тех дальних стран,
Я из той стороны,
Где весною поля
Чудных звуков полны.

Протекает там Обь,
Серебрится Алтай,
И зеленый Алей
Орошает тот край.

Из пшеничных полей
Там ковер золотой,
Панорама лесов,—
Как мираж голубой.

Там дома деревень
Утопают в садах,
И пасутся стада
На цветущих лугах.

Но мне мил этот край
Не за рек красоту,
Не за вольный простор,
Не за гор высоту.

Он мне мил потому,
Что, свободу любя,
Знамя битвы поднял,
Чтобы мстить за себя.

Много лет уж прошло
С той поры боевой,
Но героев своих
Чтит народ трудовой.

Иван Дубравин.

ДУБРАВА.

Люблю дубравы шум печальный,
Березок тихий-тихий шопот.
Люблю в ней эхо звуков дальних
И громкий девичий в ней хохот.

Акаций запах, шум березы,
Что в зелень пышную одета;
Кругом цветы пестреют—розы.
Люблю дубраву я за это.

Я резвость детскую, беспечность
Отдал ее кустам роскошным.
Летят мои дни детства в вечность,
Поет дубрава мне о прошлом.

В ней пахарь видит отдых летом
И певчих птиц живет орава.
Люблю дубраву я за это.
Привет тебе, моя дубрава!

ВЕЧЕРОМ.

Как окунь, солнышко нырнуло
В гладь синеватую небес.
В вечернем мраке потонули
Мое село и дальний лес.

Вдали туман молочно-белый,
Как кот, крадется на луга.
И, словно прыщики по телу,
Вскочили по лугу стога.

А вон пастух овечье стадо
К деревне гонит и поет
Про молодую жизнь и радость,
И в песнях милую зовет.

„Вернись, вернись, моя голубка!
„Зачем ушла ты от меня?
„Зачем веселой прибауткой
„Ты в сердце бросила огня?“

Ах, сколько в этой песне ласки,
Пастушьей грусти и любви,
И синий вечер, словно в сказке,
Раскрыл красоты все свои.

Рассыпал звезды, как цветочки,
На синь глубокую небес
И их лучи, как лепесточки,
Тряслись и падали на лес.

Затушевал зарю заката,
Луну на рощу посадил
И в черный, бархатный, богатый
Костюм природу нарядил.

ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ.

До станции оставалось 20 верст. Сердце в груди Пешкина заби-
лось сильнее обыкновенного. Он встал со своего места и, прошед-
шись два раза по вагону, вышел в уборную, чтобы перед зеркалом
привести в порядок свой костюм. Первым делом он осмотрел брюки-
дудочки, взятые у товарища, потом поправил „шелковый“ галстук,
купленный на Любинском за 90 коп., причесал волосы, натянул на
затылок пеструю кепку, которая имела вид шахматной доски и как
будто дополняла его фамилию, и медленно вошел в вагон. Поезд по-
дал три свистка и остановился против маленькой станции, окружен-

ной со всех сторон кустарниками. Пешкин взял, лежащий на полке, чемодан и вышел на платформу, на которой кроме дежурного по станции в красной фуражке никого не было. Поезд подал свисток, который эхом прокатился по лесу, и оставил станцию. Дежурный, проводив поезд, пошел в контору, а Пешкин пошagal в родную деревню, в которой не был девять месяцев. От станции до деревни было около 6-ти верст. Пешкин шел, не чуя под собой ног, и с каждым новым шагом сердце его билось сильнее и сильнее, а что он передумал за это время,—трудно списать. Подсйдя к поскотине, он остановился, еще раз поправил свой костюм, встреченный лаем собак, вошел в деревню.

Дома его встретила старушка-мать со словами:—мой соколик, тебя теперича не узнаешь в городской лопоти-то. Ну, как жив? Здоров ли ты?

—Здоров, мама, как конь,—ответил Пешкин.

—Ну, чему же тебя, Ванятка, таперя научили?

—Научили, мама, многому. Я теперь самый образованный человек в нашей волости.

—Вона оно что—сказала мать, и стала наливать в самовар воду. Весть о приезде Пешкина с быстротой радиоволны разнеслась по всей деревне. Не успел он еще раздеться, а уж десятка два односельчан пришли посмотреть на рабфаковца. Он сел около стола, и все входившие подходили к нему и здоровались за руку, поздравляя его с приездом, на что он отвечал одним словом: Спасибо.

—Ну, как живете, Иван Кузьмич? Какую же вы науку кончили? Небось, в писаря теперь годитесь?—спросил один из пришедших.

—Что писаря, мы и выше должность занимать можем. А насчет науки, то никакой еще не окончил. Учусь еще студентом,—произнес Пешкин.

—А чему же вас там учат, в рабфаке-то?

—Учат нас многому. Вот, например, мать наливает в самовар воду, а этом совсем не вода.

—А что же, Кузьмич?

—Это аш два о.

—Как это ваш два, да еще о.

—Это так вода по-ученску называется—ответил Пешкин.

—Вот так здорово! Вода, значит, это по-нашенски, а по-учену ваш два о,—заметил сидящий в углу парень.

—Ну, а еще чему же учат?

—Еще?.. Еще, значит, формулам всяким учат.

Вот, смотрите сюда (он достал из кармана блок-нот и карандаш; несколько любопытных подошли к нему), я вам сейчас напишу (он написал $S=a \cdot B$. $S=\frac{a \cdot h}{2}; 2\pi R$). Вот это первая формула... Вы на нее смотрите и ничего не понимаете, а это по-ученому означает площадь прямоугольника, а вот это, вторая—площадь треугольника, а третья обозначает окружность.

—Да, это здорово вас там учат—заметил дядя Михай.—Для нас это непонятно. Вы вот, ученые, все понимаете и нам можете рассказать?

—На то, дядя, нас и учат, и посылают в деревню, в каникулы, значит, чтобы мы вас тут просвещали.

—Да, это хорошо... А вот как бы ты нам политического что-нибудь рассказал. Ты, наверно, по политике хорошо знаешь?

— Политического?... Это можно, но только в следующий раз. А т. к. сильно устал, то прошу оставить меня в покое, уйти, значит. А насчет политического, то в следующий раз.

Когда все вышли, он достал из чемодана тетрадь и на обложке химическим карандашом написал: „Дневник студента Омского рабфака Пешкина Ивана Кузьмича“, а на первой странице: „7 июня 1927 г. Сегодня приехал домой и провел с крестьянами беседу на научную тему. Беседой остались все довольны и просили еще по политически. Присутствовало около 100 чел.“

Проводилась Неделя обороны страны. Нужен был хороший докладчик, а его нет. Председатель с/совета решил приласить докладчиком Пешкина, как человека образованного и только что приехавшего из города. Пешкин, конечно, не отказался и решил показать односельчанам свое „ораторское искусство“. Готовясь к докладу, он три дня подряд не выпускал из рук политического словаря.

Собрание было назначено на воскресенье, так как в этот день все были дома. Еще не успели все позавтракать, а по улице уже ездил нарядчик, останавливался против каждого дома и кричал: „На сходку живо! Иван Кузьмич будет говорить доклад „О войне“!“

Всем хотелось узнать о войне. Все спешили на собрание. Старика и женщины, которые ни разу не были на собрании, и те пришли послушать о войне. Не было в деревне ни одного помещения, которое бы могло вместить всех собравшихся, поэтому решили собрание проводить на улице.

После объявления повестки дня слово предоставили Пешкину. Он быстрыми шагами подошел к столу и, окинув всех присутствующих пытливым взглядом, начал свою речь: „Товарищи мужчины и женщины! Вопрос, о котором я буду говорить, обширный и серьезный! И для того, чтобы передать вам все полностью, потребуется много времени! А поэтому я буду говорить вам без комментариев! Товарищи! та международная ситуация, которую мы имеем к настоящему моменту, чревата милитаризмом. Товарищи! разрешить социалистическую проблему мирным путем невозможно! А поэтому, товарищи, вы все должны взяться за оружие и дать отпор твердолобому Чемберлену, чтобы он узнал, где раки зимуют! Я, товарищи, кончил. У кого будут вопросы, то задавайте, я отвечу.“

Все присутствующие были в недоумении, так как никто из них не понял ни одного слова, сказанного Пешкиным. И если бы не секретарь с/совета, который взял слово и разъяснил значение Недели обороны страны и охарактеризовал международное положение, то ни один бы из присутствующих не знал, о чем было собрание.

Пешкин, придя домой после доклада, в дневнике написал: „10 июля 1927 г. Сегодня на обще-гражданском собрании сделал доклад о международном положении и о значении Недели обороны страны. Присутствовало более 500 человек. Говорил недолго, но понятно, так как не было ни одного вопроса“.

Вечером, когда солнце спустилось за сосновый бор и луна выглядывала из-за туч, Пешкин, гуляя со своей соседкой Дашкой, познакомил ее с жизнью природы.

— Зот, вы живете в деревне, — начал он, — кругом вас окружают леса и цветы, но вы не знаете, как они живут и как питаются.

— Знамо, ничего не знаю — ответила Дашка.

— Ни один в мире организм, — продолжал он, — не может жить самостоятельно, т. е. индивидуально. Все они живут попарно...

—Как это попарно?—спросила она.

—А вот как,—ответил он.—Все растения делятся на мужские и женские и только потому они живут, что мужские клетки соединяются с женскими. Вот, например, и мы живем: у тебя женские клетки, а у меня мужские и мы без соединения наших клеток не живем, а только хиреем. Но, чтобы нам не захиреть, необходимо соединить наши клетки.

Дашка, упоенная его словами, отказать ему ни в чем не могла. Пешкин на следующий день записал в свой дневник: „11 июля 1927 г. Вчера вечером провел беседу на биологическую тему Присутствующие остались довольны. Результаты блестящие. Почаще бы проводить такие беседы“.

Пешкин, живя в кругу своих родных и знакомых, не заметил как прошли летние каникулы. Был конец августа, а из-за него выглядывал сентябрь, который должен был произвести коренной переворот в жизни Пешкина: оторвать его от спокойной деревни и перебросить в шумный город, но его пугал не город, а новый учебный год. Литер был действителен только до 1-го сентября, поэтому надо было торопиться.

Несмотря на август, утро напоминало осень: шел дождь и было холодно. В это утро Пешкин простился со своей деревней и пришел на ту же маленькую станцию, которая, как и три месяца назад, стояла одиноко среди кустарника, несколько изменившего свой покров. Гудок паровоза прорезал утреннюю тишину и поезд, шипя, остановился. Пешкин, взяв в руку чемодан, так же важно вошел в вагон, как и слезал. Пассажиры еще спали, и он, не нарушая общей тишины, занял себе полку. Так он проехал весь день. Вечером, как и утром, вагоны также плавно покачивались и ритмичный стук колес заглушал разговоры едущих. Некоторые пассажиры пили чай, некоторые спокойно разговаривали, в углу несколько человек играли в карты и только Пешкин не мог спокойно лежать на своем месте, у него болел живот. Когда боль усилилась и достигла кульминационной точки, он быстро соскочил со своей полки и одним движением руки вырвал из какой-то тетради несколько листов и почти рысью выбежал на площадку... А когда возвратился на прежнее место, то увидел, что он уничтожил свой дневник, но делать было нечего: погибшее назад не воротишь. Поэтому его дневник избежал учебной части, а старосте группы, собиравшему дневники, он так же ответил одним словом, как на поздравление односельчан, но только не „спасибо“, а „потерял“.

С. Соловьев.

Н. Бибииков.

КТО ОН?

Одет очень бедно,
Питается вредно.
Хоть выглядит бледно,
Но смотрит победно.

Всегда он за делом.
И в возрасте зрелом
Оудет смело
Пером или мелом.

Всегда за работой,
Хоть часто с заботой,
Но все-же с охотой
Командовал р-той.

Работал иглою,
Зубилом, пилою,
Рубанком, косою,
Иль мощной спиною.

Он строит союзы,
Согнулся с обузы,
Готовится в ВУЗ'ы,
Не прочь и от музыки.

Он вылез из мрака!—
Но дохлый, собака!..
Да кто-ж он, однако?
— Студент из рабфака!

Буревестник.

РАБФАКОВЕЦ.

Иксы, игреки
В квадрате
Шепчут губы,
Мыслит ум,

А когда-то
В дымной хате
Жил, не думавши.
Наум.

Летом на поле
Трудился,
Зиму печку
Бском тер;

Пел псалмы
Или молился,
Иль силел,
Как филлестер.

Вот пришел
Октябрь могучий,
Снял с лица Наума
Тень,

И рассеялися
Тучи,
Что рождали
В мыслях лень.

Он теперь
Не в дымной хате,—
На рабфак
Пришел Наум.

Иксы, игреки
В квадрате
Шепчут губы,
Мыслит ум.

„МЕТОДОНИЗАЦИЯ“.

(Отрывок из „Синей блузы и синих брюк“).

Картина 1-я.

(С правой стороны и влево движется шеренга учителей, старающихся идти „в ногу“, но наступающих друг-другу на ногу).

Хор учителей (для безголосых из песен разноголосых).

На пороге
Выше ноги
Подымай!
Спотыкнешься,
Носом ткнешься,—
Не зевай!
Бросим счеты,
Без заботы
Хоть денек!
Мир не гневай,
Действуй левой
В левый бок!
Нет тут места
Для протеста,
Погоди!
Свет мелькает,
Привлекает
Впереди.
Комплекс-мода!
Для народа
План „Дальтон“!
Стойте, спели
В самом деле
Мы не в тон!

(Перемена мотива: несколько игриво)

Голова вертится
Где-ж остановиться
И на чем?
Кто нам правду скажет,
Новый путь укажет,
С тем пойдем (bis)

(Новая перемена мотива: слегка плаксиво).

Нужно хоть и в муках
Новое рождать,
И во всех науках
Только суть давать,
Чтобы пролетарий
Все осилить мог.
Эй, вези же, карий!
Едет педагог!

Нужно коллективом
Изучать предмет.
Допускать актива
Нам совсем не след!

(Оживленно)

Прочь теперь с дороги!
Мы вошли во вкус.

Методы есть многи
Подготовить в ВУЗ.
Ну, а самый верный
Вот один из них,
Это метод первый:
„От сих и до сих!“
На манер „Дальтона“,
На иной лишь лад.
Ниже на пол-тона,
Пять шагов назад.

(Становятся в ряд и отступают назад,

Затем снова меняют тон:
поют в унисон)

А пройдет полгода,
Метод станет стар,
Вновь иная мода,
Вновь иной товар.
Новых граммофонов
Заготовлен ряд:
Никаких уклонов,
Всем один наряд.
Новое течение:
К чорту педагог!
„Самообученье!“
В нем одном лишь прок.
Но нужна подмога,—
Новый план возрос,
И от педагога
Вновь иной запрос.
Жми на воспитанье:
Стал иным студент,
В нем самосознание
Пало на процент.
Без авторитета
Педагог—блоха!
У политпросвета
Грош ему цена.
Должен он марксистом
Правоверным стать,
В возрасте серебристом
Маркса изучать.
Этим новым средством,
Чтоб в один момент
Был из Маркса текстом
Прищемлен студент.

(Снова переход на унылый мотив или речитатив).

Так пойдем-же на свободе
Углублять марксизм полней.
В педкружковском хороводе
И дружной и веселей!

(Дружно стоят на месте все вместе).

Входит Завуч (поет на мотив из „Евгения
Онегина“).

Что день грядущий нам готовит?—
Его мой взор напрасно ловит.

Предметный метод ли взойдет,
Отмену-ль нам сулит заданий,
Или в порыве изысканий
Подход мы сделаем не тот?
Или студенческий средь массы
Запрос к нам будет очень прост:
„Давай нам знания без прикрасы,
„А метод суньте псу под хвост!“
Наутро развернем страницы,
Разрезав новый бюллетень,
Оттоль блеснет нам луч зарницы,
Разгонит сумрачную тень.
И в нем найдем мы указания,
Какую нам поставить цель.
Укомплексировать все знания
И не дробить их в вермишель.
Отныне четырехгодичный
Рабфакам дан учебный срок,
Чтоб шло учение прилично,
Не жал студента педагог!
Учител хором (с большим задором)
Соберемся в кучу, в к ч у,
Воздадим мы честь Завучу,
Головы его светлей
Нет среди учителей.
Центра вмиг распоряженье
В ней находит отраженье,
И лучи ее блещут
(Если лампочки горят!)

Макар Вредный.

НАШИ ГОСТИ.

Рабочий день близился к концу. Пятьсот студентов-рабфаковцев напряженно прорабатывали очередной материал. В громадном здании рабфака царила тишина. Изредка лишь доносилось из канцелярии цоканье пишущей машинки.

В одной из групп в письменной форме давались ответы на ряд заданных по политграмоте вопросов.

Николай, проверив написанную им работу, откинулся на спинку скамьи и, закинув за голову руки, расправил уставшее тело. Занявшись вторичным просмотром и, исправив ряд незамеченных ранее орфографических ошибок, Николай задержался на последнем вопросе: „Империализм, как эпоха капитализма“... Мысли быстро, одна за другой, пробежали в его сознании. „Борьба за рынки.. Передел мира... Загнивание капитала... Эпоха пролетарской революции“...

Вспомнились Николаю недавние юбилейные торжества... Красная звезда на ЦЭС'е.

„Эх, если бы эта звезда сияла уже в честь мировой революции“ — подумал он: „И что молчат рабочие на западе. А еще культурные. Когда же?“..

Вдруг в класс донесся взрыв рукоплесканий. Все были в недоумении. Преподаватель, узнав в чем дело, сообщил, что нас посетила чехословацкая делегация. Все ринулись в дверь.

Николай, услыша слово: „делегация“, радостно улыбнулся, — наконец-то, он услышит, что они там за границей думают делать. Теперь он узнает „когда же?“. Вместе с другими забежал в зал. Глаза его жадно впились в исхудалые, загорелые лица делегатов, окруженных студентами. Как бы прорисовывая насквозь каждого, студенты старались узнать: наши ли они? Но как только встретились с глазами делегатов и дружеской улыбкой, как только рассмотрели их скромное одеяние, Николай и все почувствовали какую-то близость, — ясно, что это свои товарищи-рабочие, родные. Горячие слова призыва делегатки старушки, жестикulyция костлявых рук еще больше воодушевили студентов. Пятьсот человек с какой-то непонятной тревожной радостью и со слезами на глазах еще плотнее прижимались друг к другу, мысленно протягивали руки своим товарищам с запада. Раздался взрыв рукоплесканий и крики ура. Делегаты, махая шапками, запели „Интернационал“ на своем языке. Студенты подхватили гимн на русском языке, и эти два национальных языка слились в едином пролетарском гимне.

Николай, упоенный необъяснимыми чувствами радости, как бы унесся в далекое будущее. Он видит, как миллионные толпы трудящихся всего мира протянули руки и двигаются навстречу трудящимся СССР. Они вот-вот сольются в одно целое. Звезда все сильнее, все ярче освещает путь. „Да здравствует пролетарская революция!“ — закричал худощавый рабочий. Крики: Ура! Ура! эхом пронеслись по залу. Николай, очнувшись как бы от сна, увидел уходящих делегатов. Студенты разошлись по местам.

Работа закипела обычным путем. Николай сидел и радостно улыбался. Он теперь узнал, что рабочие запада с нами и готовы вступить в бой.

Делегаты, обойдя аудитории, зашли в класс Николая. Николай улыбнулся и сразу же встретил их вопросом: „Ну как, есть у нас достижения?“ Худощавый рабочий в плаще ответил с улыбкой: „Да, у Вас достижения есть, и очень много, особенно в быте и образовании рабочей молодежи. Вы обгоняете нас“. Ни олай опять улыбнулся: „А что Вы думаете со своими буржуями делать?“ Рабочий в свою очередь рассмеялся: — „Тово их! сбросим! Только не время сейчас, нужно ждать.“ — „Передайте привет трудящейся молодежи запада!“ прокричал Николай уходящим рабочим делегатам. Все стихло. Работа закипела обычным путем.

Десятки ручек скрипели, бегая по бумаге, оставляя за собой черные следы.

Николай задумался. Глаза его устремились вперед, как будто он напряженно слушал лекцию преподавателя, на самом деле, мысль его бродила по худым лицам рабочих запада, только что стоявших перед глазами Николая. Жаль ему стало, что встреча была такой короткой, но мысль о будущей встрече на арене мировой революции его развеселила. Он взял ручку и начал записывать диктуемую фразу преподавателя.

Ерисковский.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

О современной неграмотности.

Вопрос о школьной грамотности—назревший и больной вопрос. Недаром ни один почти педагогический журнал не оставляет без внимания эту сторону школьной жизни. Безграмотность наблюдается и у второстепенцев, и у рабфаковцев, и у студентов ВУЗ-ов и ВТУЗ-ов.

Один из студентов, редактор стен. газеты одного из Московских ВУЗ-ов, Рябченков указывает, что „огромная часть нашего студенчества далеко несовершенно владеет родным языком и не без труда пользуется им там, где от студента требуется безупречное его знание. Особенно ярко это заметно в письменной речи. Говоря дальше о том, что незнание родного языка остро чувствуется при дипломных работах, Рябченков призывает к организации добровольного общества „Ликстудбез-а“ („Красн. Студ.“ 1927, № 1). Нередко из ученических тетрадей можно почерпнуть факты похожие на анекдоты. Так, в „Учительской Газете“ № 42 от 23 X 1925 г. мы находим „произведение“ ученицы старшей группы девятилетки, озаглавленное „Евений Онегин“ и увековеченное Огневым в его „Дневнике Кости Рябцева“.

„Евгений был сын одного разорительного барина, он поехал в свой уголок и увидел, что дядя лежит на столе. Он стал увлечен деревней, но скоро потерял свои увлечения и очаровался. Татьяна была помещицей, она читала романы, била служанок и носила корсет.... Она очень очаровалась Онегиным, он был уже всегда под излобьем, они ходили по бедным и страдали тоску. Но за Татьяну вступился поэт Ленский. Ленский был во всем наперекор Евгению, они каждый день дрались. Один раз Онегин пулянул в него из револьверов и убил напролом. После этого Татьяна вышла замуж за своего друга генерала и жила очень даже богато, каждый день сбавлялась на пирах и на дворе была на примете, ей муж был калека. Евгений увидал опять Татьяну и очень очаровался, он надевал на нее пальто, раздевал ее. Евгений пришел к ней, выразился в чустах, но она выразилась, что она замужняя за генералом и одет ему верна. На этом Евгений свое изложение кончал“. — Не менее интересно переложение ученика 8 группы рославльской девятилетки. „Жили были две шмары: Татьяна и Ольга. У них были два ухажоры Ленский и Онегин. Вот однажды биреть Онегин ривильвер"... и т. д.

Отдельные, появляющиеся в печати, факты ужасающей безграмотности подтверждаются и отдельными педагогами (Родн. яз. 1925 г. № 8, 1926 г. № 10 и 1927 г. № 1) и массовыми обследованиями. Малаховский, обследовавший 200 тетрадей учащихся выпускных классов одной иркутской школы 2-й ступени, заявляет: „состояние орфографической грамотности в наших школах внушает невольные опасения за целостность нашего литературного языка, за целостность нашей культуры“. Опыт массовой проверки орфографической грамотности был проведен тверскими словесниками разом в 5-х группах II ступени в конце учебного года. Для проверки был взят отрывок из 14 предложений из прочитанного в году рассказа „Хозяин и Работник“ Толстого.

(Всего 100 полных слов и 24 служебных). Отрывок сначала был прочитан целиком, затем каждое предложение (от 4—11 слов) диктовалось один раз, а потом записывалось. Для подсчета была взята 1000 тетрадей. Оказалось, что предложения в 0—11 слов не под силу как для памяти учащихся (только 3% точной записи), так и для понимания (43% записанных предложений искажают основную мысль данных предл.). Ошибок оказалось 13.023, т. е. по 13 ошибок на работу в 100 слов. Больше всего ошибок морфологических (40%). В наших омских условиях, кажется, не было массовых обследований для определения и выработки мер борьбы с безграмотностью. Мне частично удалось заняться этим вопросом в начале 27—28 уч. года. Я взял для сравнения 80 работ окончивших в 27 г. Раб. Фак. и 80 работ поступающих в 27 г. в Мед. Институт. Результаты сравнения этих работ таковы: на 1 работу рабфаковца падает 1,1 ошибки, поступающего в Мед. Инст.—3,7 ошибки. В 80 работах рабфаковцев (каждая работа 3—4 стр. текста) число ошибок колеблется от 1—7 (в 20 работах—3 совершенно без ошибок). В 80 работах поступающих в Мед. Инст. (2—3 стран. текста) число ошибок колеблется от 3—15 (из 80 работ только 2 совершенно без ошибок). Каков же характер ошибок у тех и других? Все ошибки можно разделить на 3 основных группы: 1) ошибки в корнях, 2) в окончаниях и 3) в иностранных словах. В корнях слов чаще всего смешивают буквы (звуки) о—а, е—а, е—и.

А. Ошибки в корнях слов

1) смешение а—о, о—а

У окончивших Р. Ф.

У окончивших девятилетку.

изноСИловал (1)

достоВлять, коВковой, вырОботан-
ный, стОрался, издОвать, заклЯ-
лись, поПодает, облогаЮтся (8)
отнаСИлись, осазнали, пораЖда-
ют (3)

2) смешение е—и, и—е

заинтЯрисовался, меровая рево-
люция, большинСТВО, еденица (4)

произВидение, ниЩита, пренаД-
лежит, правельный, удеВляет (5)

3) смешение а—е

разочероВался

КолчеКа

4) ошибки в корневых согласных

ниСший, лутший

ниСкий, найдти, маркСисский

5) в употреблении Ъ

изЪятие

б'ѣт, людми.

В. Ошибки в окончаниях слов

1) существительных:

прибылЯ

жизней(Ью), орудей(ий)

2) существительных, зависящих от предлога

к утери

в случАи, от поднЯтии, при уд-
линнение, о жизни, путем ввозке,
под контролЬю

3) глаголов и инфинитива

борится, вырв~~и~~м, завис~~и~~ть

нач~~и~~л, вид~~и~~ли, го~~и~~ет, вид~~и~~м, за-
вис~~и~~ть, заж~~и~~ч

4) в префиксах и предлогах

в ведение, с умели, до военный,
восстановление, поддержать,
приобладание, стем положением

в Веренный
зборник
предвинулся, привратился

5) в наречиях

все цело, сначало, без опасно

все цело, сново, изредко,
на оборот, по этому, от туда,
от сюда

в месте
вследствии

сдесь
в следствие.

В работах окончивших девятилетку встречаются, кроме того, такие ошибки: окурнулся, внезапный удар, выбы.

С. В иностранных словах:

горантия, индустриализация,
превилегированный, оппозиция,
идеалогия

демонстрация, миттинг, инициати-
ва, арендироваться, эксплуататор,
оппозиция, интузиазм, группиров-
ка, предметивный, перепи-ия,
инсценировка, физвологический,
антилиригиозный, интинденция(!).

Таким образом, если качественная сторона орфографии почти одинакова у тех и других, то относительно количества ошибок этого сказать нельзя. У окончивших девятилетку больше встречается фонетических ошибок, чем у рабфаковцев (25 : 9), больше ошибок в окончаниях существительных (8 : 2) и в иностранных словах (12 : 5). Не совсем важно обстоит дело и в области техники речи. „Плетение словес“ и предложения „сопряженно сложенные“ встречаются довольно часто и у рабфаковцев и кончивших девятилетку. Искажаются законы согласования и управления, высказывают неожиданные предлоги и враждебные смыслу падежи и роды:

У рабфаковцев.

„Крестьянство, пришедшее из (с)
фронта . . .“
„Буржуазия находится во (у)
власти . . .“
„ . . . вопросов, касающиеся . . .“

У окончивших девятилетку.

„Была направлена в изображе-
ние . . .“
„Поступает на службу буфетчи-
ка (ом) . . .“
„волновались такого прихода“ . . .
„Чаша терпения лопнуло“ . . .
„ . . . они делает . . .“
„ . . . восстала вся село . . .“

У рабфаковцев наблюдается стремление выражаться „красиво“ („высоким стилем“). Они нередко употребляют слова, с значением которых они не вполне освоились, значения которых они не дополняют. Имея чаще всего дело с газетой и учебником обществоведения, они не стремятся выражаться языком передовиц Правды и учебников обществоведения и перенести прозаически-деловую речь в область художественной, литературной речи. Но, недостаточно ознакомившись еще с техникой построения многосоставного предложения,

не умея искусно нанизывать фразы, они нередко допускают уродующие речь обороты. В „Комсомольской Правде“ была приведена меткая, но злая пародия на сочинение на тему „Утро“. Вот выдержка из него: „С одной стороны, я вынужден был констатировать восход солнца, с другой стороны, я не мог не признать захода луны. Тем не менее остатки ночи изживались, хотя в общем и целом чувствовалась определенная неувязка...“

Рабфаковцу кажется, что он не имеет права говорить просто о таких непростых вещах, как индустриализация, национально-освободительное движение и т. д. Поэтому он употребляет такие выражения:

1) „...разрушать голубятники капитализма...“

2) „... рухнул монархо-капиталистический социальный лабиринт...“

3) „... священная сила капитала над единоличными диктатурами для их ареста, ставится на карту все выработанное за свою капиталистическую историю искусство провокаций, подкупов и подлога для подавления революции Китая и удержания в нем командных высот“.

4) „...Выдвинутый лозунг на X партийном съезде об электрификации Советского Союза, который и осуществляется в настоящее время“.

Работы рабфаковцев-выпускников по количеству материала, его обработке, последовательности мыслей стоят выше работ окончивших девятилетки и поступающих в ВУЗ'ы (Мед. Инст.). Грубо выражаясь, у рабфаковцев „с души прет, а выражения нет“ т. е. они понимают вопрос, разбираются в нем, но не всегда удачно излагают его. У поступающих в Мед. Инст. обнаруживается иногда детски-наивное понимание вопроса, или совсем непонимание содержания, даже основных, главных частей произведения или вопроса ортостетического характера. А это приводит нередко и к построению наивных фраз, в которых часто нарушаются законы управления. Приведем примеры:

1) „Человеку без идеи жить трудно, у крестьян идеи не было из-за своей некультурности“.

2) „Красавицы этой деревни все за Андронем, потому что он принес сагоги со шпорами“.

3) „Мы знаем, что в капиталистических государствах во главе стоит класс капиталистов, который по своему физиологическому строению, всеми силами стремится извлечь как можно больше прибавочного продукта“.

4) „Когда Андрон возвратился с военной службы, он решил эти политические идеи применить практически в жизнь, среди угнетенного, невежественного крестьянства. Первым делом, когда он приехал в деревню, он был одет в красной рубашке, на голове шапка с звездой“.

5) „Крестьяне сильно волновались такого прихода „Андрона Непутевого“ в деревню, который сразу воспитал молодежь в революционный дух“.

6) „...мужиков, которые с ненавистью смотрели на „большевитские картинки“, затаившие свою рабскую мелкособственную злобу и только ждали прихода „генерала““.

7) „Трением рабочего с крестьянином через тесную связь, мы найдем кратчайший путь к социализму“.

8) „Все это поможет справиться нашему государству с трудной задачей, а именно уничтожения беспризорников“.

Подобных примеров можно привести много. Каковы же причины такой общей безграмотности, количественно поражающей у окончивших девятилетки?

Причин много. Они и в среде и в школе. Общей и основной причиной является различие между правописанием и произношением. И это различие неустранимо, потому что нет ни одного диалекта в русском языке, который воспроизводил бы письменную речь. Поэтому между зрительным и слуховым восприятием слова существует громадное различие (говорим — ложка, добыва, пишем — ложка, доброго). На выходцев из рабоче-крестьянской среды оказывает большое влияние и местный говор (провинциализмы), неправильно произносимые слова (чи-час, чо, гумага) и неправильные окончания слов, часто встречающиеся в той, сравнительно малокультурной среде, в которой приходится вращаться тем же рабфаковцам (комната (ы), с имя (с ними), скричал, даржи и т. п.). В последнее время язык школьников (и младшего и старшего возраста) „обогащается“ словарем беспризорника, улицы рынка и ночлежки. Запись таких слов уже производилась по школам (в Москве по поручению Рыбниковой). У нас в Омском Р. Ф. по моим наблюдениям и по записи препод Трунева наибольшим распространением пользуются слова: 1) зекс! (предостережение); 2) слабб (тебе), 3) шамать — есть, 4) зазырить — увидеть, 5) бузит — говорить ерунду, 6) стырить — стащить, 7) разоряться — говорить много зря, 8) звездануть — ударить, 9) поднавернуть — ударить, сказать много, 10) стрелять — ухаживать, найти, 11) на ять, на ю — хорошо, 12) засыпаться — провалиться, 13) заткнись — замолчи, 14) шиться — ухаживать, 15) заливать — врать, 16) катись колбасой — иди, 17) лапать — хватать, 18) на пушку брать — обманывать, 19) шкет — мальчишка, 20) кумпол — голова, 21) лаху! ра, зануда, шмара — проститутка, 22) маруха — возлюбленная и т. д. Из разговорной речи эти слова проникают и в письменные работы, и не мудрено, что в сочинении „Евгений Онегин“ могут встретиться такие „перлы“, как „шмара“ или „Онегину жизнь опасудела“. В данном случае необходима не только борьба с засорением языка, но и наблюдение за собой. Каждому из нас не раз приходится слышать слова процент, предмет, протокол, президиум. Мы исправляем, но в то же время и у многих из нас высказывает молодежь, в обществах, пара дней или слов („дайте мне пару слов“). Необходимо обратить внимание и на такие выражения, как зачитать (вместо прочесть), заснять (снять), заслушать (выслушать), использовать (использовать), значит, в общем и целом, целиком и полностью и т. п.

Большим тормозом в работе преподавателя русского языка является и небрежность современного газетного и книжного языка. Всем нам памятно объявление, помещенное в одном из номеров „Рабочего Пути“. „Продается породистый жеребец 6 лет. Видеть можно ежедневно, в часы занятий, в типографии „Рабочий Путь“. Наши учащиеся читают газеты, книги и журналы и ряд неправильно-тей выносят оттуда. Современные литературные произведения пестрят или словарем беспризорника (мымра, два шкета, стукну по балде, чего колбасишься, сапоги чуть не слимонили и т. д.) или этимологическими и синтаксич. неправильностями (это — стилизация под народную речь). Так, в отрывке (12 строк) из Зощенко я нашел 4 существ. с неправильными падежными окончаниями (у плите, пихнул животную, пихнул пудель в грудку и т. д.), 2 случая неправильного согласования (ихняя пудель насуслила...), 12 нелитературных выражений (подпускает, хушь, теперича, окромя того и т. д.), несколько неправиль-

ных словосочетаний и в одном месте отсутствие логической связи между предложениями. Если такие произведения читаются (а иногда нарасхват) лицами, не вполне овладевшими техникой устной и письменной речи, и иногда только приступающими к овладению литературной речью, легко себе представить, что из этого получится. Кроме указанных причин, одной из причин безграмотности является то, что до последнего времени в окружающей среде не было настоячивых и твердых требований грамотного письма. Но причины современной безграмотности не только в среде, они и в школе. Поступающие в 26 и 27 году в ВУЗ'ы проходили школу в период с 1918-19 г.— 26-27 г. г. В годы гражданской войны приходилось заниматься в невозможных условиях (отсутствие света, столов, бумаги, чернил, холод и проч.). Целые поколения не писали чернилами, и учащийся, следовательно, не мог получать отчетливых зрительных представлений в самом процессе письма. При таких условиях, когда письмо было делом случайным, не могли выработаться ни хорошие, четкие почерки, ни орфографическая грамотность. К этому прибавилось еще и то, что, по выражению Рыб-никовой, „с комплексом забросили грамматику“, особенно в I ступени. Есть и еще причины. „Образовательный ценз основной массы учителей низок“, говорил на заседании ВЦИК'а тов. Яковлев. „Основная масса учительства никакого педагогического образования не получила“ (Известия 1926 г. № 258). Отсюда прямое следствие, что люди, взявшиеся за учебную работу, но не обладающие педагогическим опытом, не обладающие педагогическим настроением, которое прививается специальной педагогической школой, не могут поставить дело обучения на прямой и твердый путь, а это не может не отразиться на качестве работы (Родн. яз. № 1, 27 г. Данилов).

Как же должна вестись борьба с современной безграмотностью, каковы методы борьбы? Вопрос этот сложный и требует особого доклада. Уже одно то, что два столпа экспериментальной педагогики, Лай и Мейман, не могут сговориться относительно самого существенного момента в обучении орфографии, свидетельствует, насколько шатки выводы науки по данному вопросу. На страницах педагогических журналов можно встретить защитников разных методов. Волский например, считает диктант одним из действительных средств обучения орфографии, ибо диктант имеет в виду борьбу с самым серьезным, по его мнению, врагом орфографии—местным говором. Другие, наоборот, преобладающее значение придают списыванию, но не механическому. Указывают разные виды списывания: Пешковский—сплошного текста, Малаховский—деформированного и т. д. Разные мнения существуют и по вопросу, как исправлять ученические тетради. По этому вопросу должно быть выработано что-то общее для всех преподавателей, а не только преподавателей русского языка. Должна быть также выработана единая для всех преподавателей линия в области требований, предъявляемых к ученическому письму.

В этом отношении совершенно правильно поступило методическое совещание преподавателей Ом. Р. Ф. (30 августа и 1 сентября 1927 г.), постановившее: 1) добиваться вполне отработанного черновика при письменных работах, требуя переписки начисто лишь при наличии на то времени; 2) решительно отказаться от проведения всяких письменных работ в классе и дома карандашом, хотя и черновика; 3) обращать внимание на аккуратность и четкость при писании на классной доске (текста, цифр, чертежа и т. п.); 4) добиваться умения студента давать на поставленный вопрос точный, сжатый, выпуклый ответ в грамотной формулировке.

Должны быть разработаны и приняты все меры к выработке „грамотности в широком смысле этого слова“, так как эта необходимость, кроме педагогических, обуславливается и социальными требованиями. Единообразное письмо, чуждое каких-либо индивидуальных погрешностей, никогда не было в России такой настоятельной потребностью как в настоящее время, когда написанное через печатные и стенные газеты должно достигать массового читателя, когда печатная газета из рук профессиональных журналистов переходит, в лице рабкоров, селько-оз и корреспондентов, представляющих иные производственные группы, в руки масс. Поэтому, если массы не будут вовлечены через школу в сферу полной орфографической грамотности, это, в силу железной необходимости единообразного письма, поведет лишь к появлению особой касты совершенно грамотных людей, что противоречит основным стремлениям нашей эпки.

1927. IX 26.

Н. Лепорский.

Коммунистическое воспитание и задачи педагога.

1. Целевая установка рабфака.

Когда заходит речь о той или другой даже детали организации педагогического процесса, каждый раз естественно приходится исходить из тех целей и задач, которые стоят перед данным учебным заведением.

В этом отношении по вопросу о рабфаке ряд положений получил общее признание, и здесь на них необходимо остановиться лишь в общих чертах.

Давая среднее образование, Р. Ф. является одним из подступов для рабоче-крестьянской молодежи к высшей школе и, кроме того, перед рабфаками стоит задача подготовить в высшую школу такую молодежь, которая бы там в своей массе явилась станovým хребтом, служа делу пролетаризации этой высшей школы не только в отношении состава, но и всей учебно-воспитательной среды.

Нам нужна,—мы говорили, *)—такая учебно-воспитательная среда на Р. Ф., которая способствовала бы выработке коллективистических, организационных навыков, умения коллективом добиваться поставленных целей, среда, которая была бы тесно связана с жизнью, с международным рабочим движением, которая насквозь, сверху до низу, была бы пропитана современностью, при которой наша школа была бы показателем того, что буржуазное общество умирает, что на смену ему идет класс—строитель новой культуры, при чем цели нашей школы—цели этого класса.

Наконец, наш рабфак должен воспитывать,—говорили мы,—не гражданина вообще, не гражданина СССР (в смысле незыблемости нашего государства), а борца за интернациональные цели и идеалы мирового пролетариата, при чем на СССР, противостоящей мировому империализму, должен быть воспитан взгляд, лишь как на лучшее орудие к освобождению человечества, орудие, которое надо уметь защищать и совершенствовать, но которое приведет к самоограничению, к безклассовому обществу, когда не будет никакого государства.

*) „Внешкольная работа на Р. Ф.“. М. П.

И, конечно, давая каждому обучающемуся определенную сумму знаний, мы необходимо должны научить его не противопоставлять себя раб. классу, а чувствовать себя частицей его, не умиляться героизмом рабочего класса со стороны, а вместе с ним (в школе и вне ее) участвовать в борьбе.

Обобщая, можно сказать, что мы должны воспитать коммунистов, привить им коммунистическое мировоззрение и коммунистическую этику.

Комэтика в наших условиях.

Вопрос о комэтике в наших условиях—вопрос о воспитании молодого поколения—строигелей коммунизма, т.е. тот вопрос, которому не малое внимание уделял В. И. Ленин, но который, к сожалению, все еще остается чаще всего теоретическим вопросом.

Вопрос о воспитании молодежи для Ленина был, в первую очередь, вопросом воспроизводства класса, именно вопросом передачи молодому поколению опыта борьбы, подготовки его к борьбе за мировую р-волюцию и к строительству социализма.

В. И. не раз говорил, „что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества“, а отсюда ближайшая задача ее—учиться при чем „учение, воспитание и образование новых поколений... не могут быть старыми, образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом“, конечно, при необходимом условии коренного преобразования самого дела обучения.

Ответ на вопрос: „Чему учиться?“ — „Учиться коммунизму“ и по мнению В. И., является слишком общим и наводит на мысль о том, „что учиться коммунизму—это, значит, „усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах“. Но такое определение... грубо и недостаточно, а в результате „слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков и хвастунов“, которые „оказались бы неумеющими соединить эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует...“ Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма.

Когда говорят, что нужно что-то „взять из старой школы, из старой науки... говорят, что старая школа была школой учебы... муштры... зубрежки. Это верно... но... надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма“ И, главное, мы бы „сделали огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием“, т.к. ведь и Марксово „учение стало учением десятков миллионов пролетариев во всем мире потому, что Маркс старался на прочный фундамент человеческих знаний“, которые „он переработал критически... проверив на рабочем движении“.

Иначе говоря, „п олетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда“. Она „должна явиться закономерным развитием“ культуры, выработанной ранее.

„Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память к ждого обучающегося знанием основных фактов“, усвоив их так, „чтобы о нестись к ним критич-ски“, что не хвастаться своим „коммунизмом на основании полученных... готовых выводов... Такое верхоглядство было бы... губительно“.

Нам нужны не прислужники, а инициативные строители и потому „на место старой муштры... мы ставим сознательную дисциплину“, соединяя с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность объединить и организовать силы... „чтобы... создать единую волю“, без которой „мы будем разбиты неминуемо“.

Примером практическим может служить наука строить социалистическое хозяйство, которое „нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, при чем не по старому“, а „по последнему слову науки, построенной на основе, которой является электричество“, „на современной технической основе“. И эту задачу возможно „решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул... в то живое, что объединяет... непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для... практической работы“.

Учась, организуясь, сплываясь, борясь, необходимо воспитывать в себе коммуниста-вождя, а для этого прежде всего „надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали“.

Отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность... Лишь „в том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога... из идеалистических или полуидеалистических фраз... Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата... для нас и нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует“. И более того: наша задача—уничтожить классы.

„Не очень трудно было прогнать помещиков, капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее: все еще осталось разделение на рабочих и крестьян... Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена... Классовая борьба продолжается, она только изменила свои формы... и наша задача—подчинить все интересы этой борьбе... Мы говорим: нравственность—это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов“.

Этой морали Ленин противопоставляет, в первую очередь, то что сформулировано: „я добиваюсь своей цели, а до остального мне нет никакого дела“, а вслед за этим вновь повторяет, что нужно „учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариата и трудящихся...“

Нравственность вся в этой сплоченной солидарности дисциплине и сознательной массовой борьбе... а „воспитание... не в том, что... подносят всякие усладительные речи, правила о нравственности... Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни“.

„Что такое коммунист. Коммунист—слово латинское; коммунист—от слова „общий“. Коммунистическое общество значит все общее: земля, фабрики, общий труд“. Отсюда—что значит быть примерным коммунистом?—Значит... отдавать свою работу, свои силы на общее дело... в этом состоит коммунистическое воспитание.

Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста..., если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов“ „проявляет свою инициативу, свой почин“, если „будет развиваться коммунистическое соревнование“.

Необходимо, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую... смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха... (коммунистического — М. П.) строительства¹⁾

Если резюмировать все приведенные в связанном изложении мысли-выдержки Ленина о коммунистическом воспитании, о ком-этике, содержание их сведется к следующим нескольким положениям-выводам.

а) Без умения связать науку с жизнью, слово с делом, речь может идти лишь о коммунистических начетчиках и хвастунах.

б) Знание старой культуры должно быть глубоким, воспринятое с критической проверкой, и должно быть уязвано с классовой борьбой, и в этом — создание пролетарской культуры, культурного пролетария коммуниста.

в) Нам нужен не прислужник, а инициатор-строитель, сливающийся с коллективом в общих целях, в общей воле в порядке сознательной дисциплины и общепролетарской солидарности, как условие победы, превратив коммунизм в руководство для практической работы.

г) Интерес класса — высший закон, в большом и малом, в каждом практическом шаге, а самодовлетворение — в достижениях успеха коммунистического строительства, хотя бы и в мелочах повседневной личной жизни.

Эту науку побеждать в себе и в других „ветхого Адама“ Ленин находит возможным („Кто такие друзья народа“) уложить в короткий афоризм ветерана германской социал-демократии Либкнехта (т.е. изучать, пропагандировать, организовывать).

Если ленинскую науку можно называть теорией, то, переходя от теории к нашей практике, к нашим чисто рабфаковским условиям, уместно будет сделать несколько общих замечаний, именно — к характеристике современного момента.

Прежде всего, наблюдающийся безостановочный экономический рост, связанный с ростом активности, вызывает и противоречия этого роста, а отсюда и изменения в классовых взаимоотношениях:

1) городской пролетариат растет и спланивается, возлекая в свой состав как новые слои из деревни, так и рабочую молодежь, впервые вступающую в производственный процесс;

2) в деревне крепнет кулачество, стремясь к охвату своим влиянием другие слои деревни;

3) резче определяется сменовеховство или упадочность городской мелкой буржуазии;

4) растут слои и новой буржуазии, стремящейся отвоевать интеллигенцию, молодежь.

На этом общем фоне наблюдается возрастная передвижка молодежи, в жизнь вступают не знавшие царского феодального и буржуазного режима, не видавшие гражданской войны.

Вопросы о молодежи и о руководстве, о влиянии на нее — особенно важные, во всех слоях, в любой обстановке при самых сложных переплетках. Вопрос „Кто кого?“ и здесь остается в полной силе: наша, ленинская правда — подчинить себе правду буржуазно-нэловскую или — наоборот.

¹⁾ Все взятое в кавычки — из речи Ленина на 3-м Всер. съезде РКСМ „Задачи Союза Молодежи“ 4 окт. 1920 года.

Ведь это „старая правда“ утверждает, что наши госпредприятия—госкапиталистические, рассматривает наше государство, как предпринимателя, говорит о диктатуре партии над рабочими и крестьянами, подрывает веру в рабочих, в их силу, в правильность нашего пути к социализму, использует недовольство кулацкой верхушки и бедноты, подогревает личный интерес против общественного, сеет и взращивает контрреволюцию, расслоя поколения, восстанавливая их друг против друга, тормозя преемственность в социалистическом строительстве.

Над угрозой этой чуждой для нас „правды“ ленинская наука перестает быть теорией, должна претвориться в нашу повседневную практику, что, прежде всего, возможно при упорядочении нашей личной жизни (в данном случае жизни молодежи), быта, всего поведения, в котором не должно быть места всему некультурному, „наплевательской“ распушенности и неряшливости, всем видам анархизма и нигилизма,—непониманию политического смысла нашей политики, окружающей обстановки, задач мирового положения Союза.

Отсюда логически вытекает борьба с комчванством и хвостовством, с пессимизмом и ликвидаторским безверием и за сочетание в порядке самовоспитания и взаимного друг на друга воздействия за связь слова и дела, за культурность и опрятность, за культурничество и подчинение личного классовому и государственному, нашего государственного интернациональному.

Рабфак—не закрытое учебное заведение старого типа, наоборот, наиболее связанный с жизнью тип учебного заведения, а потому только что приведенные замечания относятся и к нам в полной мере. К особенностям, пожалуй, необходимо отнести лишь следующее:

- 1) Большая часть жизни и учебы протекает в коллективе.
- 2) Еще при приеме делается отбор.
- 3) Коллектив увязан организационно и единой государственной целью.
- 4) В одинаковых правовых экономических и производственных условиях жизни рабочих и крестьян, мужчин и женщин, представителей всех национальностей.

Студенты, участвуя совместно с административно-педагогическим составом (на началах кооперации) в строительстве жизни своей и учебы и являясь не только объектом, но и субъектом в процессе обучения, воспитания, выявляют свое „Я“ и свое поведение:

- а) в организации учебы и в самой учебе (школьной и внешкольной, в стенах рабфака и вне этих стен);
- б) в организации быта в смысле: жилища, пищи, здоровья, развлечений, платья, опрятности, речи, знакомств, привычек;
- в) в разрешении проблемы союза рабочих и крестьян;
- г) в разрешении национальной проблемы и, наконец,
- д) в разрешении половой проблемы.

„Учиться, пропагандировать и организовывать“, проверяя каждый свой шаг с точки зрения интереса класса,—вот исчерпывающие правила для всех этих областей нашей деятельности, в соблюдении его—гарантия, что кто либо из нас не поступил в разрез с комэтикой.

Но наш коллектив разнороден при всей своей сравнительной однородности как в классовом отношении, так и в степени выучки, политического и общественного уровня подготовки, в смысле культурности вообще, дисциплинированности и т. д. и т. д. Наконец, каждый, участвуя, в процессе взаимодействия всех и на всех, пережи-

вает процесс своей личной эволюции, ошибаясь сознательно и бес-
сознательно, совершенствуясь и разлагаясь, разлагая других.

Учитывая ту особенность, которая определяется краткостью срока нашего учебного курса, необходимо согласиться с Лениным, что „при необходимости быстро научиться всякое послабление—пре-
ступление“, однако, это послабление у нас есть и оно приобрело не-
желательную форму.

Если в тот период, когда мы штурмом пробовали взять небо и коммунизм, половая распущенность или даже отказ поделиться собственной книгой встречали решительный отпор со стороны всего коллектива, как противоклассовые, антикоммунистические поступки, то в данное время наблюдается со стороны товарищей тенденция скрыть поступок того или другого или ограничиться тем, что когда с тем или другим студентом стряется „беда“, вспомнить о том, что он был виновен во всех (или даже больше) смертных грехах.

Между тем комэтика обзывает, прежде всего, к тому, чтобы во-время подать руку помощи товарищу.

В административном воздействии мы всегда были сильны, прежде всего и важнее всего, товарищеское воздействие и предупредительные, воспитательные меры по Ленину.

3. Педагогическое воздействие педагога на студента.

Еще в статье „Пути и формы педагогического воздействия преподавательского состава Р. Ф. на студенчество“ (стр. 5—М. П.) мы отмечали, что „определить содержание воспитания, как производное социально-экономического процесса, установить затем методы и формы работы в свете современного жизнепонимания—наша первейшая задача“.

И в только что упомянутой статье, и в первых главах настоящей мы и пытались разрешить эту „первейшую задачу“, дав ряд замечаний по данному вопросу и в статье „Внешкольная работа“, но везде речь шла больше о принципах и настолько в общих выражениях, что всего сказанного нами может оказаться достаточным лишь для общего признания необходимости и возможности педагогического воздействия преподавателя на студента.

Исходя из неизбежности взаимного друг на друга воздействия преподавателя на студента, в данном случае необходимо выяснить, при условии целесообразности, организованности и результатности, случаи применения, именно, преподавательским составом воздействия на студенчество в порядке коммунистического воспитания.

И думается, что предпосылкой к данного рода деятельности педагога должна быть широкая и глубокая осведомленность в отношении объекта воздействия (а у нас он сложен, разнороден и переживает внутри себя, как уже было отмечено, борьбу разных идеологий).

Такая же осведомленность требуется, несомненно, и в отношении всех средств и возможностей, которые могут и должны быть использованы педагогом в каждом отдельном случае.

Если ставить вопрос о коммунистическом воспитании серьезно, то нужно будет признать, что удобные для себя случаи педагог может найти и должен искать не только в классе,—эти случаи даются помимо того: в работе студентов в их и в общественных организациях, в клубной работе, в рабкоровской, в лице отдельных выступлений студентов в порядке повседневной жизни и при самой разнообразной обстановке, в частности, в порядке домашнего быта и летней практики, т. е. в лице всего того, из чего складывается воздей-

ствующая на студента среда, — ее влиянием на волю и характер, на мирозерцание, на физическую природу и, наконец, на эмоции человека. (Ведь и наша цель воспитать целостного человека).

Если мы придерживаемся той точки зрения, что педагог — организатор среды, то последнюю отнюдь нельзя считать раз навсегда (хотя бы только и на протяжении одного учебного года) установленной. Поэтому здесь не может быть заложен отказ и от активного вмешательства со стороны педагога в самый (уже организованный) процесс, так как:

1) самая организация среды есть сложный, развивающийся, требующий непрестанного к себе внимания со стороны всех педагогов процесс и

2) самая организация мыслится возможной в порядке и на протяжении всего развития этого процесса.

Очевидно, что вмешательство педагога возможно в порядке:

а) личного примера,

б) сосредоточения внимания воспитуемого на известных моментах (случайных и заранее предусмотренных),

в) фиксации отступлений, при чем, фиксация эта может быть осуществлена тут же, в форме разъяснения, замечания, внушения, справки и указания или в тех или других учебно-педагогических органах, перед лицом всей учебной группы, по столбцам стенгазеты, при удобном случае в виде ссылки и тому подобное и, наконец,

г) в порядке административного воздействия.

Тов. Крупская считает *), что общественное воспитание складывается из воспитания: 1) общественных инстинктов, 2) общественных навыков и 3) общественного сознания.

2) общественных навыков и 3) общественного сознания.

Опираясь на врожденные безусловные рефлексы и используя рабсту с планом, программой, программным материалом (в классе, кружке, дома) и методы (активные), как равно и поведение студентов, вообще, мы должны развить путем упражнений ряд условных рефлексов, для чего:

1) фиксировать внимание на соответствующих моментах (на своем поведении),

2) заставлять производить повторные упражнения,

3) создавать и выдвигать самые моменты для упражнения,

4) обращать внимание на пропущенные из таких моментов и выдвигаемые самой жизнью,

5) беря на учет уклоняющихся от тех или других упражнений и выясняя причины уклонения, вновь и вновь использовать новые моменты или те же в новой комбинации и освещении.

Из самого перечня уже видно, что от современного педагога требуется при наличии студорганизации и разветвленной системы учебно-воспитательных органов, где, обычно, на паритетных началах принимает участие, на ряду с педагогами, и студенчество, не меньше, а гораздо больше, и каждый педагог, если к тому, что сказано, добавить внешкольную работу и быт студента, может оказаться на перепутье: или почувствует себя „безработным“, сдав все позиции перед „административным воздействием“, или же пойдет по пути исключения последнего.

Все вышеперечисленные приемы педагог второго типа внесет как в личную и непосредственную работу, так и в учебно-воспитательные органы а прежде всего — в предметные комиссии.

*) Обществ. воспитание. Сб. „В поисках новых путей“, стр. 36.

В результате каждый учебный предмет, каждая данная предметная комиссия и все другие учебно-воспитательные органы, как учебное бюро, бюро по самообразованию и др., дадут свой материал. „Изучать, организовывать, пропагандировать“ — лозунг, приемлемый и для педагога, задачей которого является воспитать коммуниста, и самым трудным вопросом является вопрос, когда, как и какими методами вторгаться в развивающуюся и видоизменяющуюся организацию педагогического процесса.

4. Наш опыт в схеме.

Нам много уже раз приходилось отмечать, что в известной степени (большей или меньшей) коммунистическое воспитание студента нами проводилось, но стихийно, а учета опыта, собственно, никакого не велось, как равно и никогда не включались в планы работы тех или других учебно-воспитательных органов чисто воспитательные работы.

В виду этого, наше решение учесть опыт отдельных преподавателей и учебно-воспитательных органов в данное время почти невозможно, и поэтому вся эта работа будет и сложна и продолжительна, при чем, помимо учебной части, отличным „собирателем“ опыта мог бы явиться проектируемый ежемесячный журнал нашего рабфака.

Пока мы имеем лишь одну попытку разрешить вопрос о путях и методах вторжения в процесс становления у нас воспитательной работы, а именно — со стороны предметной комиссии общественных дисциплин.

В соответствии с ее протоколом мы, прежде всего, читаем.

„Работа комиссии должна вестись по двум направлениям — академической и политико-просветительной, — та и другая должны быть пронизаны (М. П.) элементами воспитания, в чем назрела потребность и чего от нас требует студенчество“.

Дальнейший текст не дает пояснения: как именно можно пронизать „элементами воспитания всю“ работу предметной комиссии, и можно лишь догадываться, что в это пронизывание вкладывается постоянная оценка учебных материалов и методов с точки зрения их воспитательного значения, с точки зрения (по Крупской) воспитания общественных инстинктов, навыков и сознания или (по схеме педагогического процесса по Евстигнееву-Белякову) во питания воли и характера, миросозерцания, физической природы и эмоций.

Декларируя свое решение пронизать свою работу элементами воспитательного значения, предметная комиссия общественных наук идет дальше и намечает в своем плане ряд моментов, означающих, именно, вмешательство или вторжение ее в организованный нами, но развивающийся педагогический процесс как по линии чисто академической, так и внешкольной работы, давая тем самым личный пример другим учебно-воспитательным органам, сосредоточивая внимание преподавателей и студентов на известных (в данном случае — заранее предусмотренных) моментах и, собираясь фиксировать все возможные отступления от желательного и необходимого, всей своей предупредительной деятельностью отводит возможное административное воздействие, с тем, однако, чтобы использовать и его, но в крайнем случае, когда другие средства все будут использованы.

Остановимся на отдельных моментах вторжения, включенных в план названной комиссии при чем каждый раз тут же будем изла-

гать и возможные дополнения и изменения, и, кроме того, распределим все эти моменты на 3 группы, в связи с теми тремя линиями, которые намечены в кратком плане К. Либкнехт: „Изучать, организовывать, пропагандировать“.

При этом будем ориентироваться на все выдвинутые нами руководящие положения, сведя их в единую схему.

С Х Е М А

I.—ИЗУЧАЯ

II.—ОРГАНИЗУЯ
(По Либкнехту и Лерину).

III.—ПРОПАГАНДИРУЯ

ВОСПИТЫВАТЬ:

- 1.—Путем личного примера,
- 2.—Фиксация внимания на случ. и заранее предусмотр. моментах.
- 3.—Фиксация внимания на отступлениях.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ:

1) Инстинкты,	2) Навыки,
(По Крупской).	3) Сознание
а) воля и характер,	Физ. природу,	Мирозерцание.
б) эмоции	(По Евстигнееву-Белякову).	

Для определенных действий:

изучать, организовать, пропагандировать.

I. Изучать.—Помимо изучения всех тех вопросов, которые касаются системы, программ и общетеоретического характера (что имеет место, обычно, в производственных планах всех предметных комиссий), в производственном плане обществоведческой комиссии исходим:

- 1) изучение результатов выпускных испытаний и проведения студентами лстней практики,
- 2) изучение хода занятий отдельных преподавателей путем посещения председателем и заслушания отчетных докладов данных преподавателей в комиссии,
- 3) изучение работы рабкоровского кружка путем заслушания доклада преподавателя, работающего там,
- 4) изучение работы библиотеки по части обслуживания студентов литературой обществоведческого и философского характера,
- 5) изучение быта студенчества путем обследования и изучения правил внутреннего распорядка,
- 6) изучение плана политико-просветительной работы.

Всем этим обществоведческая комиссия, не говоря о других предметных комиссиях и прочих учебных органах, студентам и преподавателям, стоящим на перепутьи, показывает личный пример в области методов вмешательства, а также и того, как глубоко необходимо (в развитии) использовать все возможности нашей учебной системы, построенной на кооперативных началах и на началах общественной ответственности, и изучать окружающую и воздействующую на нас среду, имея цель не только понять ее, но и перестроить.

Воспитывающее значение включенных в план и приведенных выше моментов не подлежит сомнению, и здесь, естественно, развиваются общественные инстинкты, навыки и общественное сознание. А в результате, несомненно,—все объекты влияния обществоведческой комиссии будут более приспособлены и к изучению, и к организации.

и к пропаганде (и, очевидно, в коммунистическом направлении), т. е. к тем, именно, действиям, которые стоят перед каждым коммунистом.

II. Организовывать. Организация плановых и регулярных занятий предметной комиссии сама по себе имеет уже определенное воспитательное значение личного примера, но обществоведческая предметная комиссия идет дальше и включает в свою работу фиксацию внимания на особых, заранее предусмотренных моментах, как равно и фиксация внимания на определенных отступлениях.

Так, в производственный план комиссии включены задачи:

1) втягивание студентов в самостоятельную, инициативную и активную работу в предметной комиссии путем требования внесения вопросов в повестку не позднее, как накануне заседания, путем заблаговременного оповещения всех членов о содержании повестки, путем вывешивания в кабинете планов и заданий, путем заслушивания содокладов студентов после отчетных докладов преподавателей, путем втягивания студентов в прениях, путем, наконец, заслушивания содокладов студентов-рабкоров при докладе преподавателя (члена комиссии) — члена рабкоровского кружка о работе последнего и тоже — при докладе зав. политпросветом о работе близких к комиссии кружков.

2) Участие в подработке рекомендательных списков тем и литературы по самообразованию в целях организации этого вида работы в плановом порядке.

3) Выработка определенных положений по вопросам быта, коммутики, политпросветработы.

4) Зачитывание протоколов предыдущего заседания комиссии.

Вся эта работа также может служить примером, как не отдаваться случайности, можно и необходимо организовывать, вносить элементы организации и организованности там, где, казалось бы, все уже организовано, при чем в основном используется также фиксация внимания на заранее предусмотренных, ведущих к плановости или случайных моментах, выдвигаемых в порядке обсуждения, как равно и фиксация внимания на отступлениях, когда выправляются организационные формы и методы в соответствии с данной целеустановкой (коммунистическое воспитание), а в результате каждый член комиссии, изучая на заседаниях последней ряд моментов, приобретает интерес к дальнейшему изучению, к большей организованности во всем и к пропаганде и передаче своих организационных знаний и навыков другим.

III. Пропагандировать. — Изучая и организуя, каждая предметная комиссия, несомненно, ведет и пропаганду. Нас здесь интересуют лишь те моменты, которые в деятельности обществоведческой предметной комиссии, взятой нами для примера, имеют воспитательное значение, прививают общественные инстинкты и навыки, культивируют волю, характер, как равно и эмоции в коммунистическом направлении, ведут к созданию гармонического человека с коммунистическим сознанием и миропониманием.

1) Лозунги общие и связанные с содержанием и направлением работы данной комиссии (на стены, для стенгазеты и т. п.).

2) Придание направления, оттенков, дополнений и фиксация на них внимания при внесении поправок при проработке планов, программ и методов, как равно и при заслушивании отчетных докладов преподавателей и содокладов студентов (руководствуясь этическими правилами, что для нас хорошо, что полезно для класса пролетариата и данной им для нашей школы через государственный аппарат целе-

установки, а, идя дальше,—для нашего коллектива, для групп его, для товарища).

3) Идеологическое и целесообразное влияние на работу добровольных обществ, кружков, клубных программ, репертуара и рефератов, как равно докладов, лекций, проводимых там, рабкоровского кружка и редколлегии.

4) В порядке изучения быта студенчества.

5) Культивирование правильных взглядов на коллективизм в работе и на социалистическую плановость в ней.

И здесь мы столкнемся с теми же тремя основными методами воспитания, о которых упоминали уже много раз (личный пример, фиксация внимания на определенных моментах и на случаях тех или иных отступлений), при чем и эта деятельность будет иметь своим результатом рост стремления к дальнейшему и более глубокому изучению, самодисциплине и к организованности, наконец, умение и желание вести пропаганду в массах.

Чтобы закончить изучение изложенных выше случаев вторжения в организацию среды и педагогического процесса со стороны обществоведческой предметной комиссии, необходимо взять эти случаи в той группировке, которая соответствовала бы трем моментам вышеприведенной схемы, к которым должно устремляться непосредственно коммунистическое воспитание: инстинкты, навыки, сознание (по Крупской), или, воля, характер, эмоции (по линии инстинкта), физическая природа (по линии навыков), миросозерцание (по линии сознания),— по Беликову-Евстигнееву.

Чего можно добиться по линии воспитания инстинктов (воли, характера, эмоции).

Вместо „усласдительных речей и правил нравственности“, которыми, по справедливому утверждению Ленина, нельзя ни воспитать, ни перевоспитать, в целях, именно, воспитания инстинктов, воспитания воли, характера, эмоций средствами обществоведческой предметной комиссии могут быть использованы следующие моменты, включенные в ее план (или те, которые могут быть включены):

1) Подработка лозунгов, плакатов, изречений (для кабинета, в рабочие комнаты, по стенам корридоров, в общежитии, в связи с определенными революц. праздниками и т. п.).

2) Рекомендация соответствующих тем и литературы для самообразования.

3) Обследование быта и заслушивание докладов о быте и этике.

4) Интерес к отбору при приеме и к отбору в процессе курса, как равно и равнение на средняка,—в порядке заслушания специальных докладов, а равно и при отчетных докладах преподавателей и содокладов студентов.

5. Проведение в жизнь (в том же порядке) ленинского правила: „Там, где нужно быстро научиться, всякое послабление—преступно“.

6. Интерес к работе ячейки Мопр в целях сосредоточивания внимания на героических примерах воли, характера и переживаний.

7. Подчеркивание ответственности и ответственного характера выступлений студентов и преподавателей, особенно от имени группы или коллектива.

8. Борьба с хвостизмом, безверием, упадочностью и другими проявлениями слабости воли и характера.

Тоже,—в отношении навыков (физической природы).

1. Плановость и четкость и деловитость в работе.
2. Особенная (примерная) аккуратность, дисциплинированность и содержательность в работе преподавателей.
3. Зачитывание и утверждение протокола прошлого заседания.
4. Совместное преподавателя и учителя по инструкции председателя предметной комиссии и по заданию последней обследование общежития в целях изучения инструкции и правил внутреннего распорядка.
5. Обсуждение плана политико-просветительной работы.
6. Самостоятельные доклады студентов.
7. Участие в методической работе комиссии студентов.
8. Помощь в постановке дела самообразования.
9. Представительство интересов группы в комиссии.
10. Обсуждение результатов вышеуказанных испытаний.
11. Также,—летней практики студентов.
12. Интерес к кружку ОСО.
13. Борьба со всеми видами разгильдяйства и неряшливости.

Тоже,—в отношении мировоззрения или сознания.

1. Изучение быта и в связи с этим различных надстроек идеологического характера.
2. Особенное внимание во всем процессе работы к 3-м проблемам: союза рабочих и крестьян, половой и национальной.
3. Борьба с проявлениями чуждых идеологий; кулаческой и собственническо-крестьянской, рабской, упадочной сменовеховской, нэпмановской, анархо-нигилистской или „наплевательской“ и т. п.
4. Борьба со случаями подчинения революционного разума революционному чувству.
5. Пронизывание всех наук (программ, планов, заданий) основами диалектического материализма и истории—основами исторического материализма.
6. Подчеркивание интернационального момента и широкое использование сближения с современностью, противопоставления с ней.
7. Борьба со всякого вида демагогией.
8. При вынесении самообразования в рабочие и красноармейские коллективы в порядке прикрепления отдельных студентов к последним и в порядке работы их по подготовке к своей работе в особом рабфаковском кружке,— интерес к обоим видам работы и помощь в плоскости консультации работы кружка по определенному уклону вопросов и заслушания доклада о ходе той и другой работы.
9. Выработка тем, тезисов и выправка последних для лекций, докладов и рефератов обществоведческого цикла.

5. Возможные возражения и замечания.

- 1) И в этих перечнях имеются „усладительные речи“.
- 2) Слишком много общих мест, вместо конкретного характера момента.
- 3) Многие моменты и есть и могут иметь место в планах и других предметных комиссиях и прочих учебно-воспитательных органов.
- 4) Незначительное количество конкретных мер не в состоянии охватить всей многогранности коммунистического воспитания.

5) Не сказано, уместно ли разбирать в предметных комиссиях или других учебно-воспитательных органах (не считая президиума и студорганizations) отдельные случаи нарушения коммунистической этики и

6) Ничего не упомянуто о случаях вторжения предметных комиссий в организацию работы студенческих организаций.

Во всех этих возражениях и замечаниях есть значительная доля правды и основательности, но необходимо иметь и то в виду, что здесь разбирался лишь первый опыт и всего одной предметной комиссии, у которой, несомненно, могут быть общие задачи и с другими нашими учебно-воспитательными органами и работа которой, с другой стороны, может и должна быть пополнена другими предметными комиссиями.

Так, лингвистическая подработает над выработкой вкуса и навыков в области изобразительных искусств, проявив интерес к работе кружков музыкального, хорового и в отношении кинопостановок и других клубно-художественных постановок, как равно и ряда лекций, докладов и рефератов.

Математическая комиссия заинтересуется работой радио, шахматного и художественного кружков.

Биологическая—химкружком и физкультурой и т. д. и т. п.

Что же касается „усладительных речей“ и общих мест, то ведь мы говорили, что одними усладительными речами, если они не связаны с практической деятельностью, не воспитаешь и не перевоспитаешь, а „усладительные речи“ все же неизбежны и необходимы, как необходима пропаганда вообще. Те же моменты, которые могут быть названы общими, по существу окажутся конкретными, если, помня о них в процессе всей работы, не упускать удобных случаев в целях прививки одного и в целях изжития другого, т.-е. опять таки в порядке личного примера, фиксации внимания на определенных моментах и в порядке фиксации различного рода конкретных случаев отступлений от норм комэтики.

Кстати, относительно уместности или неуместности разбирать в предметных комиссиях или др. учебно-воспитательных органах, не считая президиума и организаций, отдельные случаи нарушения комэтики.

Думаю, что каждый преподаватель должен ставить в известность председателя предметной комиссии и заведывающего учебной частью как о самых случаях, так и о том, что им самим предпринято, с тем, что зав. уч. частью в уч. бюро и президиум, а председатель предметной комиссии в предметную комиссию и в учебную часть вносят те случаи на рассмотрение, которые в том или другом отношении заслуживают того, как в смысле типичности, так и значительности.

И, наконец, о возможности или необходимости для предметной комиссии вторгаться в процесс работы студорганizations.

Мы думаем, что здесь опеки или подобие опеки были бы не нужны и только вредны, но фиксация всех обнаруженных отступлений, как равно и желательных мероприятий—неизбежна и крайне необходима, но через учебное бюро или учебную часть.

6. В ы в о д ы.

Подобно тому, как и во всяком плане, так и в плане любого учебного органа могут быть намечены в календарном порядке конкретные работы, так там же обычно находят место и так-называемые работы длительного характера, требующие длительного срока.

Сюда нельзя отнести, конечно, такие пункты, как „усилить то-то“, „направить то-то“ и т. п. В таких случаях всегда требуется конкретное в плане указание: „как усилить“, „как направить“.

Поэтому схема: изучая, организуя и пропагандируя путем личного примера, фиксации внимания на определенных заранее и на случайных моментах, как равно и на случаях отступления от норм комэтики, воспитывать общественные инстинкты, навыки и сознание для определенных действий воспитываемого—изучать, организовывать и пропагандировать, эта схема еще не может служить планом,—это только схема.

Кроме того и больше того, если из этой схемы выбросить слово: „комэтика“, то эта схема возможна и не для коммунистического, а для всякого другого воспитания.

Очевидно, и здесь важно вложить то или другое содержание, которое было бы в возможно полном соответствии с целеустановкой школы.

Если производственный план преподавателя, рассчитанный исключительно на данную программу и число учебных часов по данному предмету на год, строго критикуется обычно исключительно только с одной стороны—методологической, так это объясняется тем, что ему приходится укладывать в свой план обычно типовую учебную программу, при чем и здесь подразумевается, так сказать, большее, а именно:

1) уметь гибко владеть упомянутой схемой, 2) разбираться четко в целях школы и коммунистического в данном случае воспитания, 3) принять участие как часть сложной, но единой нашей учебно-воспитательной системы в организации педагогического процесса, 4) вторгаться единолично и через посредство учебно-воспитательных органов в этот процесс, изучая его, видоизменяя его, и 5) быть ответственным перед определенными органами за свою деятельность, которые самого его воспитывают, при чем его работа входит в план работ этих учебных органов, и, прежде всего,—соответствующей предметной комиссии, по поручению которой он собственно и действует, являясь ее проводником.

При этом, чем свободнее учебная система, чем более активные применяются методы, тем меньше включено будет в производственный план отдельного преподавателя, но, как уже было отмечено выше, тем ответственнее, как подготовительная работа, когда он подрабатывает задание больше для себя, чем для обучаемых им, так и в процессе учебы, в процессе общения, вернее, с последними, когда необходимо предположить гораздо большую сумму случайностей, чем это обычно бывает при менее свободной системе и при менее активных методах (так, чистая лекция почти совершенно исключает случайности, но вместе с тем, кстати отметим, и возможность воспитывать инстинкты, навыки и даже сознание).

Другое дело—предметные комиссии: последние,—при предметной системе преподавания—в современных (конечно, и в наших) условиях должны иметь широкий и разветвленный план. Используя формулировку нашей обществоведческой комиссии, придется вслед за

ней повторить, что „работа комиссии должна вестись по двум направлениям—академической и политико-просветительной,—та и другая должны быть пронизаны элементами воспитания“ и, добавим, иметь целью организацию воспитания общественных инстинктов, навыков и сознания, изучая, организуя и пропагандируя рационально сбрабатываемый педагогический процесс на ряде конкретных случаев, пользуясь всем возможным арсеналом приемов и включив упомянутые случаи и приемы в свой план.

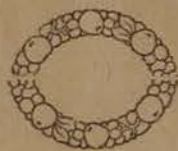
Необходимо помнить, что наша школа все же далека от идеального с марксистской точки зрения типа школы-фабрики, и потому стоящие перед нами задачи по воспитанию юношества, по разрешению вопроса о воспроизводстве класса с идеологией и психологией, имеющих в основе научный революционный марксизм и ленинизм в целях передачи рев. борьбы, подготовки к борьбе за мировую революцию и к строительству социализма, тем более, при разнородности нашего студенческого состава,—эти задачи чрезвычайно, особенно трудны.

Подчинить все миропонимание и всю деятельность воспитываемых нами высшему закону—интересу класса пролетариата,—для этого мы должны использовать все возможности, все средства *).

И мы должны научиться учитывать свою работу по педагогическому воздействию на студенчество в духе коммунистической этики, внося в эту сторону нашей работы определенную плановость, не боясь ошибок и не смущаясь неудачами.

Ведь интерес рабочего класса и его классовой борьбы и для нас—высший закон.

М. Постников.

*) Один только пример. Все организации используют нашу стенгазету и в дни кампаний и в порядке отчетов, а предметные комиссии эту возможность не используют совсем, тогда как в них производится наша основная работа.

ПИСЬМА БЫВШИХ РАБФАКОВЦЕВ И ДР.

Копия письма бывшего студента Омрабфака т. Дмитриева А., окончившего Р. Ф. весной 1927 г.

Уважаемый Михаил Иванович,

долго не писал, ожидая пока отстоятся и осядут впечатления. Моя судьба тебе и другим рабфаковским товарищам интересна не сама по себе, а как судьба омского рабфаковца прежде всего. Первые впечатления мешают в кучу идеи, вещи и люди, а поэтому я их не передавал. Теперь прошло два месяца, кое-что успел осмыслить, а что непонятно, то потрогано хотя бы на ощупь, так как разглядеть все очень трудно—свет каждого дня в течение всех дней задерживается полдюжиной математических формул—вещью мало прозрачной. Математикой проникнуто все. Изучаем пять математических предметов: 1) высш. математ., 2) теоретическ. механику, 3) начертат. геометр., 4) геодезию, 5) физику. При чем в физике изучаем такие вопросы и отделы, где сплошь ничем не подкрашенная математика: модуль упругости, приближенность измерений, нахождение ошибки измерения, средняя от измерений и т. д.

За день наковыряют этак 5—6 формул да задачек столько же зададут на дом.

О высоте математического давления, которой мы подвержены, можно судить по очень простой вещи. Есть такой прозаический „струмент“—плотничный уровень, и кто бы подумал и заподозрил, что он заряжен тремя математическими формулами. С него началось первое практическое занятие по геодезии. Преподаватель вывел формулы и спокойно осведомил, что будущему инженеру нужно всегда эти формулы помнить для проверки уровня. Взор мой в смущении и страхе скользнул по целому лесу инструментов на треногах, столиках, подставках и просто на полу, куда сложеное уровня. Со всеми ими нужно научиться оперировать, как с собственным носовым платком. Это было в начале. теперь уже в отношении многих из них подозрения рассеялись. Положенное число формул заняло должное место в голове, а винты, трубы, диоптры лимбы и алидады определенно проявляют склонность подчиняться действиям рук.

Занятия имеют двойственный характер. С утра читаются лекции профессорами. Обычно одна-две 2-хчасовых лекции. Можешь ее слушать, можешь нет—дело твое. Никто посещаемость не учитывает. С осени ходили все—сесть негде. Сейчас ходят меньше. В общежитии в комнатах устанавливается очередь на такие предметы как химия, политэкономия, физика и другие.

Преследуется и практическая польза—конспект лекции ведется и отдается дань должного уважения к профессорам—на лекции присутствуют не просто студенты, а лица, отягощенные полномочиями—делегаты.

Вторая часть дня заполняется практическими занятиями и упражнениями. Лекции читаются всему 1-му курсу сразу без подразделений на факультеты. Для практических занятий весь первый курс разбивается на группы в 30 чел. и занятия имеют совершенно тот

же характер как и в рабфаке. По каждому предмету на каждую группу имеется преподаватель—ассистент того профессора, который читает предмет. Роль его совершенно та же, что и преподавателя в рабфаке. Он договаривает все то, что не мог договорить профессор в лекции, или плохо выговорил, расширяет целый ряд понятий, затронутых слабо в лекции, отвечает на все возникающие у студентов вопросы и ведет упражнения и практические работы. Так же, как в рабфаке, интересуются посещаемостью занятий, так же вызывают к доске, задают устные вопросы, заставляют вести дневники практических работ и просматривают их, так же устраивают контрольные работы и так же имеют маленькие книжечки в кармане, в которых любят что то записывать после вызова к доске студента, просмотра работы, или ответа на вопрос. Говорят, что от того, как там записано, зависит количество прогулок на зачет. Некоторым так записано, что один раз ходил, а иным так, что 12 раз ходит и только на 13-й сдает.

Зачеты обычно принимают ассистенты. Практические занятия по геодезии ведутся с меньшими группами по 8 человек.

На день приходится 5—6 часов практических занятий и 2—4 часа лекций. Каждый день дают работы на дом (задачи по геодезии, математике, механике, физике).

Плюс к прочему черчение, на которое время не отводится, а можешь чертить в любое время, пока открыт чертежный зал, от 9 утра до 12 ночи. Имеешь собственный чертежный стол, можешь запирать на замок, а инструменты свои. Черчения много: 4 чертежа топографического и 4 листа технического, из них 1 лист изометрического.

Уезжая в ВУЗ, я представлял себе, что придется много работать, но то, что приходится испытывать сейчас, разбивает в прах все мои представления о размерах работы. В былое время, сталкиваясь с людьми высшего образования, я замечал, что все они небрежно и некрасиво пишут. Теперь только я понял, что их разучивает писать высшая школа. В начале я стал было вести аккуратно записки лекций. Черновые наброски переписывал в отдельные тетради. Но не прошло и недели как я убедился, что так пожалуй, самое большее, я выучусь на переписчика. Переписка начитанного за день занимала весь вечер. Плюнул. Стал брать мягкие карандаши и шершавую бумагу для тетрадей, чтобы можно было быстро без усилий писать. Вечером только подправишь в двух-трех местах недописанные на свежую память, подчистишь резинкой места, откровенно оскорбляющие эстетическое чувство, и готово. Так же производишь выписки и зарисовки чертежей из книг в библиотеках.

Только колоссальность нагрузки, работы, больше всего меня и поразили в ВУЗе. с первой недели я почувал это и стал работать изо дня в день.

Часа 2 утром и до 1 часу вечером. Мои сожители по комнате оттягивают „начало“ на завтра, а „начали“ работать через месяц после начала. Им пришлось нагонять (по наивности, люди не верили, что как могут „жмать“), стали работать. Начали до 4—5 часов. Невозможно стало спать и мне и теперь установилось общее рабочее время до 3—4 часов, а в воскресенье отсыпаясь до 12 и позднее дня. Но, несмотря на все давление, все-таки чувствуется хорошо. Заряжаешься с утра с лекций определенным настроением. Профессорско-преподавательский состав в институте крупный—целый ряд мировых имен: Гюнтер—математик, Корейша—по жел.-дор. делу, Николай—механик и др.; у всех особый и вместе с тем единый для всех дух

преподавания — подчеркивание общих идей своего предмета, конечных устремлений, целей, а это вселяет доверие к науке, веру в мощь человеческих сил.

В конце-концов и сам начинаешь верить в свои силы, может быть, больше чем они есть, но желанием работать заряжаешься, а и это уже не плохо. Внешняя обстановка для работы вполне пригодна. Учебниками мы никакими не нуждаемся. При Институте огромная учебная библиотека — одна из лучших в СССР, — все учебники имеются и выдаются на месяц наруки. Кроме того, имеется общетехническая библиотека и читальный зал. Кабинеты и лаборатории оборудованы так, что работать можешь любую практическую работу вдвоем, вдвоем, один, как хочешь: дело твоего выбора; работа одного не может стеснить другого. Материальные условия — лучшие по сравнению с другими ВУЗ'ами. Наркомпрос все время бомбардируется жалобами других ВУЗ'ов. На прилежированное положение путейцев, на всех студенческих конференциях выпячивается это обстоятельство, делают наскоки чтобы отобрать некоторые общежития и т. д. Но все тщетно: самолюбивый НКПС не хочет, чтобы его подшефные были, как все.

Вообще говоря, жить в Ленинграде на госстипендию можно не хуже, чем в Омске и других местах.

Возможность заработать в случае крайней нужды есть постоянно. Кубуч имеет преимущество на получение работ в порту и временных работ на заводах. Нет завтра денег — не ходи на занятия, а иди на работу. На работу всегда пошлют. Я получаю хозстипендию НКПС — 37 рублей. В смысле подготовки наш рабфак, повидимому, готовит хорошо. Лично я воспринимаю курс по всем дисциплинам без затруднений. Начало работы в ВУЗ'е чувствовалось как продолжение рабфакской учебы. Но среди профессорско-преподавательского состава существует предубеждение в отношении провинциальных рабфаков. Правда некоторые формы, улы, упоминались и писались с первых же лекций, как известные, их проходили в путейском рабфаке, но не проходили в прочих. Здесь уже приходилось вывертываться, чтобы не посрамить честь рабфака, кое-что брать математической интуицией, а кое-что, никому не говоря худого слова, искать в учебниках и подрабатывать.

Вообще в учебном отношении есть много вопросов по которым, следовало бы взаимно обмениваться мнениями, о них невозможно писать в письме — много их и по сути мелкие, но интересные как для ребят, кончающих рабфак, так и вообще для рабфака. Думается мне, что когда с'едемся на каникулы, нужно созвать нечто вроде совещания ВУЗ'овцев, окончивших наш рабфак, для обмена мнениями, а главное — впечатлениями.

Впечатления для многих играют роковую роль, особенно первые впечатления. Сбежали же ведь несколько человек из Ленинграда — испугались! А чего испугались — неизвестно. Трамвайных звонков испугались! Я так много написал, что опасаюсь, прочтешь ли ты до конца. Не дочитаешь — убьешь куда-нибудь на заседание. Поэтому личные впечатления о Ленинграде откладываю до приезда на каникулы. Скажу только два слова — Ленинград жестоко пьет и зверски дискуссирует.

На днях чуть было не попал в заваруху. При выборах бюро ячейки наметили агитпропом. Это в ячейке в полтыся и человек и самой оппозиционной в районе. Прощай бы тогда учебный год. Кое-как откладывался, ввели только членом бюро.

У ребят в политехническом дела идут ничего, худеют только, здесь говорят так, что учатся только в путейском, политехническом, технологическом, горном и др. технических ВУЗ'ах, а в университете и прочих „книжки читают“.

Кто у вас нынче верховодит в студенческих организациях, передавай всем привет. Я не знаю сумею ли написать что нибудь, а написать надо бы.

Как успехи моей супружницы в рабочем университете?

Достается ей, безняге, а мне пишет бодрится. Привет Каролине Михайловне, Николаю Николаевичу и всем вообще. Эх, хорошо бы летом на лодке сигануть этак до Екатерининского завода, Николай Николаевич, наверно, был бы компаньоном. Не придется—геодезическую практику придется отбывать.

15/XI—27 г. Жму руку. Дмитриев.

Ленинград.

Р. Как краткий совет для тех ребят, которые желают поступать в Путейский Институт, сейчас могу дать только:

1) Приучать себя сразу аккуратней писать (многим покажется маловажным, но как много народа льет слезу, что не может понять, что записано его собственной правой рукой).

2) Чище чертить и хорошо научиться чертить, понимать, как чертить—здесь учить не будут, а будут спрашивать.

3) Хорошо изучать тригонометрию, теорию неравенств, графики функции.

4) Быстро делать (натренироваться) преобразования уравнений.

5) Хорошо считать в уме (тоже требование, наводящее на размышление, но все это здесь требуют, стараясь на каждом шагу экономить время и не тратить на механические работы).

Нужно ожидать, что на наш рабфак нынче дадут места 2—3 в путейский.

Копия письма бывш. студентки Омского рабфака Степуры Т., окончивш. Р. Ф. весной 1927 г.

Саратов. Педфак. Степура

17/XI—27 года.

Долго не отвечала на письмо, больше всего из-за средств, так как стипендию получила к 10 й год вщине (первый раз). Холод и невозможные условия для занятий заставили меня уйти на частную квартиру.

Удивляюсь, как люди могут совмещать службу с учебой. У меня так мало времени даже на углубленную проработку предметов. Праздник провели хорошо. Демонстрация мне не понравилась, так как демонстрировали по улицам города и общего впечатления о демонстрации не получилось.

Сообщу о предметах и методе.

Общие предметы: 1) система народного образования с практикой, шляемся по школам и потом делаем доклады. 2) Сельско-хозяйственная техника, тоже будет практика на заводы. 3) Основы педагогики, сюда входят: физиология и психология человека. После лекции бывает углубленная проработка на семинариях по группам. 4) Политэкономия, семинарии только для общ. эк. отделения (на котором и я). 5) Один из иностранных языков (немецкий, французский) я выбрала немецкий. 6) Военные дисциплины, посещение которых обязательно, кроме сдачи зачетов. Относительно других предметов посещение не

обязательно. Семинар, занятия — посещение обязательно на нашем (об. эк.) отделений. Кроме указанных читаются: 1) статистика, 2) история первобытной культуры, 3) история рабовладельческой культуры или древний восток, сюда входят: Египет, Вавилон, Ассирия, Греция и Рим. Выбором ВУЗ'а довольна.

Вообще считаю себя подготовленной к работе ВУЗ'а за исключением предметов 2 и 3. Дело в том, что здесь данные слишком широкие и из громадного материала надо выбирать наиболее ценный, иначе говоря, надо мыслить критически, к сожалению, нас к этому не приучили, хотя нечто похожее и было в занятиях с *Постниковым*. Кроме того, предметы эти новые для меня, мне приходилось начинать с азов, приходится много читать. Относительно того, где легче учиться в рабфаке или ВУЗ'е, я сказать затрудняюсь, так как там и здесь занятия зависят от индивидуума, насколько он серьезно и вдумчиво прорабатывает преподаваемые предметы. Насколько легко мне давалась политэкономия в рабфаке, настолько же почти дается трудно здесь, особенно на семинариях. Например, руководитель ставит следующие вопросы: „Явление товарного фетишизма объективно или субъективно“, или „Что лежит в основе: стоимость или товарный фетишизм“.

Читать приходится Маркса, а он читается нелегко.

Прочитала Пантелеймона „Без черемухи“, героиня очень понравилась, Никандрова „Путь к женщине“ и Малашкина „Луна с правой стороны“. Советую прочитать эти книги. Пишите как у Вас насчет оппозиции. Мы своей оппозиции задали такого жару, однако, она плохо учитывает настроение и снова бузит на собраниях. Количество их 6 человек во всей университетской ячейке, двое главарей *Лелевич*, высланный из Ленинграда, и доцент по политэкономии *Лейкин*. Вчера было в газете об исключении *Трацкого* и *Зиновьева* из ВКП. Я никак не могу представить, чтобы бывшие вожди докатились до этого, хотя оппозиционеры говорят, что они партбилетом не дорожат.

С ком. приветом *Стенура*.

Ответ на письмо, посланное студентами из 34 комнаты, 75 стрелковому полку им. М. В. Фрунзе.

Дорогие товарищи!

От имени красноармейцев и командно-политического состава и их руководительницы коммунистической ячейки 3-го эскадрона, разрешите заверить вас в том, что ваши поздравления с великим праздником 10-й Октябрьской революции защитников границ Советского Союза принято с товарищеской искренностью до глубины пролетарского сердца.

Ваши пожелания о сплочении наших железных рядов вокруг коммунистической партии есть налицо и уверены в том, что на одиннадцатую годовщину сосредоточим все свое внимание на дальнейшее социалистическое строительство нашего Союза, и как необходимость защиты границ нажмем на военно-политическую учебу, чтобы дать должный отпор твердолобой капиталистической буржуазии. С такой же энергией дадим отпор раскольникам оппозиции, которые стремятся нарушить единство единой ленинской партии.

Такая же задача должна стоять и перед вами, молодыми ленинцами, как будущими руководящими работниками в строительстве социализма в Советском Союзе.

Мы выражаем от лица части Красной армии благодарность за вашу связь с Красной армией и надеемся, что эта связь будет продолжаться и в дальнейшем для большей сплоченности, единой семьи и строителей социалистического общества с единой мыслью и с одной энергией и настойчивостью.

Да здравствует связь пролетарских студентов с Красной армией!

Да здравствует единство в работе!

Да здравствует Советский Союз—очаг мировой революции!

Да здравствует ВКП(б), руководитель строительства социализма!

Секретарь ячейки ВКП(б) **Зотов.**

Ст. Политрук полка **Г. Бойков.**

22/XI—27 года.

Г. Даурия.

НАША ХРОНИКА.

(За месяц).

— 28 октября Н. К. П. установлен особенно строгий учет льготного проезда и указано—бланки давать лишь по одному на каникулы и в начале их.

— 20 октября заключен между Ц. К. П.—Н. К. П. генеральный договор, объявленный в № 44 „Еж. Н. К. П.“.

— Состоялось распоряжение О. Р. Ф. о переходе Р. Ф. с начала 2-го семестра на 4-хгодичный курс.

— 10 ноября президиумом решено издавать журнал „Омский Рабфаковец“.

На том же заседании президиума указано на необходимость ускорения работы комиссии по учету общественной нагрузки студентов.

— Тогда же обращено внимание служащих и рабочих на их право пользоваться помощью уполномоченного по самообразованию при учебной части, заменившего бывшее до того бюро по самообразованию.

— 24 ноября учебный корпус Р. Ф. посетила чехо-словацкая рабочая делегация.

— На 1927-28 учебный год Сибкрайисполкомом назначена дотация: общежитию—4000 р., учебн. корпусу—2250 р.; Окрисполкомом общежитию—2670 р.

Президиум вынес на обсуждение всего коллектива Р. Ф. проект расходования этих сумм. Вопрос обсуждался детально и в ИБ, пожелания которого приняты полностью.

В результате: с 1 декабря будет снижена плата за общежитие до 2-х руб., выделены суммы на приобретение кипятильника „Титан“, заказано и частично куплено оборудование: тумбочки, табуреты, постельные принадлежности.

Фактическое выполнение всех намеченных работ может, однако, задержаться, т. к. до сего времени из всех намеченных к отпуску кредитов открыто всего 2200 р. (по сиббюджету).

— Яч. ОДН при ЦРК открыла ларьки при учебн. корпусе и общежитии. С 1 января ларьки будут снабжать студентов хлебом и др. предметами питания по талонам.

— Зимние каникулы установлены с 20 декабря и по 10 января.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

„Десять лет советской науки“. Сборник статей под общей редакцией начальника Главнауки Ф. Н. Петрова. Изд. ГИЗ. 1927. Стр. 480. Ц. 4 р. 25 к.

Книга посвящена развитию физико-математических и естественных наук в СССР за десять лет после Октября.

Не задаваясь целью дать исчерпывающий справочник достижений, издательство стремилось лишь показать, какая огромная работа проделана и как значительны достигнутые в ней результаты.

По основной мысли редакции — изумительный размах научно-исследовательской работы научных институтов и лабораторий СССР служит лучшим доказательством внедрения — по мысли В. И. Ленина — в исследовательскую работу новых методов и путей: методов диалектического материализма и путей единения науки с трудом.

Достигнутые результаты свидетельствуют о плодотворности этих методов и путей на почве советской страны.

Статьи написаны известными учеными и специалистами — „не только сведущими лицами, а именно теми, кто стоит у самого станка своей отрасли науки“.

Язык изложения популярный и доступный для широких кругов читателей.

Статьи иллюстрированы многими рисунками и портретами ученых. С внешней стороны книга издана прекрасно.

В скором времени издательство „Работник Просвещения“ выпускает первый том широко задуманного издания:

„Наука и техника СССР—1917—1927“.

Книга выходит в трех томах под редакцией акад. Иоффе, Г. М. Кржижановского М. Я. Лапирова-Скобло, акад. Ферсмана.

Издание имеет задачей строго научно, но популярно изложить развитие и современное состояние естественно-исторических наук и техники в Советском Союзе на фоне и в связи с развитием и успехами науки мировой.

К участию в издании привлечены все крупнейшие научные силы СССР и ряд ответственных представителей советской общественности и руководителей советского строительства. Среди авторов названы: Н. И. Бухарин, акад. Ольденбург, акад. Лазарев и др.

По замыслу редакции, книга должна служить отчетом советских научных работников к десятилетию Октябрьской революции о проделанной научной работе.

Подписная плата на издание—20 руб.

А. Ф. Иоффе. Курс физики. Ч. I Гиз. 1927 г. Стр. 270. Ц. 3 р. 50 к. Вышедшая первая часть курса физики академика А. Ф. Иоффе включает в себе изложение следующих отделов:

I. Основные понятия механики. II. Свойства тепловой энергии. III. Электростатика. IV. Магнетизм. V. Электрический ток. VI. Магнит-

ное поле электрического тока. VII. Электрический ток в магнитном поле. VIII. Электро-магнитная индукция.

Изложены перечисленные отделы талантливо — прекрасным языком, столь свойственным книгам акад. Иоффе.

Изложение сопровождается многочисленными чертежами и рисунками, исполненными очень отчетливо. По внешности курс физики издан Гиз'ом изящно.

Научно-технической секцией Гус'а курс допущен в качестве пособия для высших учебных заведений.

Б. А. Евдокимов. Практическая фотография. 3 части. 1927. Стр. 384. Ц. 3 руб.

Очень солидное руководство; в популярной форме излагает: 1) негативный процесс; 2) позитивный процесс; 3) ретушь.

В начале книги приводится краткий очерк истории фотографии и ее развития. Разобраны главнейшие системы аппаратов и объективов. Указаны новейшие рецепты фото-химии. В книге очень много прекрасных рисунков.

Дополнением к указанной книге может служить „Карманный справочник по фотографии“ д-ра Э. Фогеля в обработке Ю. К. Лауберта, вышедший в 1927 году десятым изданием. 332 стр. 236 иллюстраций в тексте и на отдельных листах.

Эта известная книга может служить прекрасным руководством для фотографов-любителей. Издана книга Гиз'ом очень тщательно.

Вышедший в конце ноября с. г. № 11 журнала „Искра“ содержит в себе целый ряд статей, посвященных изложению достижений советской науки и техники к десятилетию Октябрьской революции.

Написаны статьи авторитетными учеными и специалистами, среди которых можно указать: академика Ольденбурга, начальника Главнауки Ф. Н. Петрова, проф. Любарского и др. Изложение очень популярное и вполне доступное.

В связи с прошедшими торжествами десятилетия Октябрьской революции, горячо рекомендуем указанный номер журнала вниманию студентов рабфака.

В. Л.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ.

А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. — Очерки переходной экономики. — Рабочее издательство „Прибой“. Ленинград. 1927 г. 376 ст. Цена 2 р. 50 к.

Имевшиеся уже пособия трактуют обычно экономическую политику почти исключительно со стороны экономических мероприятий, мало уделяя места теоретическому обоснованию. Рецензируемая книга ставит своей задачей именно систематическое изложение теоретических проблем переходного хозяйства. На экономическом фундаменте переходной эпохи авторы рассматривают следующие проблемы: рынок и план, ценность и цену, распределение, деньги и кредит.

Книгу можно рекомендовать преподавателю экономических дисциплин, она толкает на дальнейший анализ, будит критическую мысль, помогает при преподавании эконом. политики, но для учащихся эта книга мало пригодна, благодаря трудности языка и неясности изложения.

М. Гольман.—Русский империализм.—Рабочее издательство „Прибой“.
Ленинград. 27 г. 455 стр. Цена 3 р. 75 н.

Работа М. Гольман не только компилятивная, автор в значительной мере пользовался первоисточниками, а также в значительной мере произвел самостоятельное исследование целого ряда проблем русского империализма. Русский империализм Гольман рассматривает в свете ленинской теории об империализме, как монополистической стадии капитализма, отсюда идеологическая выдержанность рецензируемой книги.

Книга снабжена большим количеством статистических таблиц. В целом эта книга более пригодна для чтения преподавателю, как экономисту, так и историку.

С. Козлова.

Набрано и отпечатано
в типо-литографии
ОМГОСПОЛИГ-РАФ
1927 г. Зак. № 1723. 415.